

Виктор Корнилов

ДИКИЙ ГРАФ 1

Самозванец

Виктор Коллингвуд

Дикий граф. Самозванец.

<https://litres.ru/74638888>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шлюп «Надежда» уходит в кругосветное плавание. В последний момент в экспедицию пролазит граф Федор Толстой — наглец, бретер, шулер и... циничный бизнесмен из XXI века, случайно занявший чужое тело. Крузенштерн еще не знает, кого взял на борт! Резанов понятия не имеет, что за "живописец" числится в его свите!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Глава 3	51
Глава 4	73
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Виктор Коллингвуд

Дикий граф. Самозванец.

Название: Дикий граф. Самозванец

Автор(-ы): Виктор Коллингвуд

Ссылка: <https://author.today/work/570739>

Глава 1

— ТРА-ТА-ТА-ТА!!!

Стекло брызнуло в лицо колючим крошечком. Я даже дернуться не успел, когда из опущенного окна поравнявшегося с моим такси джипа ударили автоматные очереди. Вспышки. Грохот. Дикая, рвущая плоть боль.

Вынырнул из кошмара рывком, жадно хватая ртом ледяной воздух.

Твою мать. Опять этот сон.

Голова раскалывалась. Как уже задолбал этот кошмар! Психотерапевт, наверное, сказал бы что-нибудь умное про посттравматический синдром. Если бы я был настолько туп, чтобы пойти к психотерапевту. Человеку с моей биографией откровенничать на кушетке — это как самому явиться в РУБОП и написать явку с повинной.

Сука, как же болит голова! Вчерашний загул в казино «NagaWorld» — нелегальной камбоджийской копии Лас-Вегаса специально для тех, кого в настоящий Лас-Вегас на пушечный выстрел не подпустят, — удался на славу. Виски рекой, карты до утра, два француза под столом, два китайца в нокауте, разборки с охраной... Кажется, проиграл вчера пару тысяч. Только казино, как всегда, в выигрыше. Закон мироздания, мать его.

И что это так бренчит?

Мутным взглядом обвожу свои апартаменты: двести квадратных итальянского мрамора, панорамных окон, дизайнерской мебели и шесть кондиционеров, старательно превращающих мои элитные апартаменты в натуральный слеп.

И в этом склепе сейчас надрывался телефон. Причем телефон... неправильный.

Не основной, — умный навороченный айфон последней модели. Нет. Проснулась старая, затёртая кнопочная «Нокиа», спрятанная на дне прикроватной тумбочки. Мой личный канал связи на случай полного пи... фиаско.

Номер от нее знали только двое. И один из них уже год как гнил на Хованском кладбище.

Сбросив на пол простыню, выхватил аппарат. Так, кто звонит... Ну точно: Сашка Ваучер. Единственный человек в этой стране, которому я доверял. Ну, насколько в наше трудное время вообще можно верить барыге, поднявшемуся в девяностых на скупке чеков у бабок и алкашей. Впрочем, биография моей персоны тоже не для детского утренника. Так что нехрен жаловаться.

Странно. Что ему надо? За семь лет Сашка набирал этот мой номер ровно два раза. Первый — когда в Пномпень приехала солнцевская братва, и нужно было залечь на дно. Второй — когда его замели в Макао, и для разборок с местной полицией требовались деньги. Много денег. Короче, по хорошему поводу он сюда не звонил.

— Да?

— Проснулся, брателло? — голос бывшего соотечественника, когда-то оказавшего бесценные услуги в моей натурализации в Камбодже, звучал как-то дергано, без привычной местной расслабленности. В такой манере разговаривают люди, что уже купили билет на самолет и звонят попрощаться из такси по дороге в аэропорт. — Нормально спал-то?

— Ну, да. Как всегда! — спросоня не отдупляя, чего ему надо, промычал я.

— Теперь долго спокойно не заснешь!

— Что?

— То! По твою душу пассажиры нарисовались. Серьезные.

Остатки хмеля сдуло в один миг. Рывком сел на кровать, буквально вцепившись в трубку.

— Откуда?

— Из нерезиновой. Топчут поляну, задают правильные вопросы нужным людям. Ментов местных прикармливают. Я по своим каналам пробил — ищут конкретно тебя. Данные они, похоже, уже купили со всеми потрохами. Короче, делай ноги, Ярик. Прямо сейчас.

Связь оборвалась короткими гудками.

Нашли. Суки, все-таки нашли. Два года я выстраивал схемы отхода, затем — семь лет прятался на этом краю света от московских, мать их, «партнеров». И вот, время вышло. Сказка кончилась.

Рывком сел на кровати. Чертово похмелье! Мозг не варит. Совсем. Мысли ворочались медленно и неохотно. Ни одной нормальной идеи, только гул в висках и желание кого-нибудь прибить.

— Твою мать... — прохрипел я и, шатаясь, дошёл до мини-бара. Выудил банку ледяного энергетика, запил две таблетки аспирина.

Несколько минут просто сидел, привалившись спиной к холодному мрамору, и ждал, пока химия сделает своё чёрное дело. Да, прошли те времена, когда можно было бухать всю ночь, а утром — как огурчик!

Наконец, голова постепенно отпустила. Встал с кровати, на ходу натягивая джинсы. Мысли начали выстраиваться в более-менее связную цепочку. Машина до границы с Лаосом. Никаких банковских карт — цифровой след убьёт быстрее пули. Нужен кэш. Схватить тревожную сумку, прыгнуть в бронированный крузак, за рулем — охранник Сокха. Забрать нал, показать на границе другой паспорт, и раствориться в джунглях за лаосской границей.

Да, план не идеален. Но идеальных планов в моей жизни не было примерно никогда.

— Алла! — рявкнул я на всю квартиру. — Ты где? Мы уезжаем!

Ответом мне было лишь ровное гудение кондиционера. Рванул в гостиную — пусто. Схватил со стола свой айфон. На экране висело непрочитанное уведомление о голосовом

сообщении.

Предчувствуя неладное, ткнул пальцем в иконку. Из динамика полился капризный, манерно растягивающий гласные голосок моей пассивности:

— За-а-ая... Ты так сладко спал, я не стала тебя будить. В общем, я взяла машину с Сокхой, поехала с девочками на шоппинг. Тут в молле новую коллекцию завезли, я буду через пару...

Да е** твою мать!!! Вот же дура. Шоппинг у нее. Забрала мою единственную бронированную тачку и водилу-охранника. Мой шанс выжить. Вот правильно мне говорили: бери местную, нахрена тебе эта раменская чувырла? Так нет! Приперся в Камбоджу со своей бабой. Как в Тулу с самоваром.

Потер виски, пытаюсь собраться с мыслями. Итак, я заперт на двадцать пятом этаже стеклянной башни. Ждать возвращения машины нельзя — москвичи вполне могут уже подниматься в лифте. Придется импровизировать.

Вытащил из сейфа пистолет. Незарегистрированный, без номеров — Ваучер в свое время достал через прикормленных вояк. Местная армия — это вообще что-то с чем-то. Ребята в хаки спокойно торгуют всем подряд, от берцев до базук. Если сильно захочешь — и танк сможешь купить. А потом кататься на нем от заправки до заправки.

Холодящая ладонь тяжесть металла немного успокоила расшатанные нервы. Привычным движением проверил ма-

газин, — полный, тринадцать патронов. Дослал патрон в патронник и сунул ствол за пояс, прикрыв полый итальянского пиджака. На тринадцать проблем хватит. А если их будет четырнадцать — значит, не судьба.

Распихав по карманам пиджака документы, бросился к входной двери. Внизу никого не было — даже портье куда-то испарился. Стекланные двери высотки бесшумно схлопнулись за спиной, отсекая спасительный искусственный холод. Пномпень немедленно обрушился на меня влажной, тяжелой духотой, вонью гниющих фруктов и раскаленного асфальта. Тридцать пять в тени — а тени тут, сука, нет. Полдень!

Такси не заставило ждать: таксует тут каждый второй. С руки поймал первую попавшуюся машину — вусмерть убитый Пирус. Обычная кхмерская тарантайка с непременным Буддой на зеркале заднего вида. Плевать. Главное — вырваться из этого аквариума.

— Гони быстрее. *Tarif double, foncez!* — рявкнул я водиле.

Камбоджа — бывшая французская колония. Половина местных до сих пор худо-бедно шпрехает на языке круассанов. Ну а слова «*,double tarif*» — на каком языке ни говори, легко понимают все живые существа по обе стороны экватора.

Кхмер расплылся в улыбке, и «Приус» дёрнулся вперёд, нещадно гудя на шныряющие мотороллеры. Вскоре мы вы-

летели с Алмазного острова, пересекли реку Бассак по горбтому мосту-близнецу, проскочив над мутной, желто-коричневой водой. По левую руку пестрой лентой мелькнула набережная Меконга: вылизанная парковая зона, стройная шеренга пальм и лениво обвисшие в стоячем воздухе камбоджийские флаги на высоких мачтах.

Сидя на заднем сиденье, я считал минуты, стараясь не смотреть на то, что происходит на дороге. Дорожное движение в Пномпене — это полный кабздец. Они тут вообще не прячтся. Красный свет — рекомендация, встреча — отличная дополнительная полоса, тормоза придумал трус-вьетнамец. Неделю назад я видел, как мужик на мопеде вёз холодильник, двоих детей и живую свинью. Формула-1 отдыхает. И наверняка ведь доехал куда надо, сукин сын.

Семь лет я здесь, а до сих пор не привыкну к этой херне. В бронированном «Крузере» я бы сейчас чувствовал себя человеком. А в этой дребезжащей жестянке моя жизнь защищалась лишь тонким японским металлом и толстой камбоджийской тонировкой на стёклах. Ну и Буддой на зеркале. Должен же от него быть какой-нибудь толк!

В кармане снова завибрировала кнопочная «звонилка».

— Да.

— Ярик, дело дрянь! — Саня Ваучер уже откровенно паниковал. — Эти упыри купили твои биллинги. И личные данные — и у погранцов, и у миграционки. Вчера еще. Они тебя конкретно пасут, сечешь? Делай ноги по пырому прямо

сейчас, иначе склеишь ласты!

Сволочи. Обложили.

Скидываю вызов. Достая айфон и кидаю прямо на дорогу. Сердце колотится где-то в горле. Счет идет уже не на часы — на минуты.

Биллинги купили. Это значит — они знают, откуда я звоню, кому звоню и где ночую. Вся моя тщательно выстроенная конспирация посыпалась, как карточный домик. Семь лет я жил призраком, а теперь меня подсветили, как новогоднюю ёлку. Спасибо, камбоджийские силовики. Надеюсь, вам хоть заплатили нормально, а не как в прошлый раз, когда местный полковник сдал наркобарона за пятьсот баксов и бесплатный ужин в караоке. Азиатская коррупция — она такая.

С сомнением смотрю на кнопочную «Нокиа». Выбросить, нет? Номер зарегистрирован на подставное лицо, вроде не должны расколоть... Черт, надо же позвонить Алле!

Набираю. Сбрасывает. Набираю. Сбрасывает! Твою мать! Сам ее учил не брать незнакомые номера... А этот номер я ей не доверил.

Такси визгнуло тормозами у входа в контору по переводу наличности. Вывеска на кхмерском и английском языках, решетки на окнах, кондиционер капает на тротуар ржавой водой. Контора как контора — одна из многих в этом городе, где половина экономики существует в кэше, вторая половина — делает вид, что ничего про это не знает.

Бросаю водиле смятую купюру — сдачи не надо/гран мер-

си/ореуар, месье — и вваливаюсь внутрь.

Несмотря на середину дня, внутри малоллюдно. Но узкоглазый клерк за бронестеклом ведет себя странно. Потееет, несмотря на офисный холод. Бегаает узенькими глазками. Слишком неторопливо перечитываю пухлые пачки stodollarовых бумажек, то и дело косясь на монитор.

Я такие взгляды читаю как букварь. Ушлепок тянет время. Ждёт кого-то. Или кому-то уже позвонил. А может мне показалось. В нашем деле паранойя — не диагноз, а стиль жизни. И сейчас она орала мне в оба уха: валить, валить, валить!

Не дожидаясь, пока он аккуратно поставит купюры в стопочки, сгребая нал, рывком затягиваю молнию на сумке и быстро продвигаюсь к выходу. Клерк что-то бормочет вслед на кхмерском. Может, «до свидания». А может, «он выходит». Разбираться некогда.

Выталкиваю дверь плечом. В глаза бьет слепящее солнце. И в эту же секунду в кармане взрывается трелью секретный телефон. Алла проснулась? Достаяю. Незнакомый номер!

Когда на экстренную трубку, номер которой сообщает полтора человека, звонит кто-то третий, это слегка выбивает из колеи. Наверное, поэтому я допустил ошибку. Отвлёкся. На секунду усталился на этот номер, пытаюсь сообразить, что делать. На одну сраную секунду...

Рядом с тротуаром резко, подняв облако серой пыли, тормознул скутер. Когда дошло, что это нихрена не доставка

хавчика из «Грэба Фуд», было уже поздно.

Поворачиваюсь в рефлексах. Вижу чёрный глухой шлем. Бешеные, сфокусированные глаза в узкой прорези визора. И тёмный цилиндр глушителя, направленный мне прямо в лицо.

Тело действует само, быстрее мысли. Ныряю в сторону, одновременно выхватывая ствол из-за пояса. Жму на спусковой крючок. Но вместо упругой отдачи «Глока» запястье вдруг выворачивает тяжелым, грузным ударом. Хлопок чужого выстрела тонет в оглушительном, раскатистом грохоте моего собственного оружия. Слепящая вспышка. Дым.

Много дыма.

Густое, непроницаемо-серое облако vyplёвывается мне в лицо. Удушливая, сизая пелена застила все вокруг — как будто кто-то взорвал дымовую шашку прямо у меня под носом.

Сердце колотилось как бешеное, все плыло перед глазами. Клуб дыма, вырвавшийся из моего пистолета, медленно, неохотно развеялся по ветру, и я увидел, как впереди, метрах в пятнадцати на траве тяжело осел человек.

Дикая радость охватила меня. Я все-таки попал, а он промазал!

— Что, сука узкоглазая, получил? Получил, да? — прорычал я, и вновь вскинул пистолет, нажимая на спуск. Но почему-то выстрелов не последовало. Перекос? Задержка?

— Граф, куда вы? Вернитесь к барьеру! — резанул слух крик на французском. На хорошем таком французском, — не чета камбоджийскому чириканью. А я начал осознавать, что вокруг творится что-то из ряда вон выходящее.

Тропический жар исчез, как будто его выключили рубильником. Вместо пномпеньской улицы и распластанного тела в глухом шлеме я вдруг увидел траву. Зелёную. Яркую. С ромашками, сука. С васильками. Вместо угловатого чёрного «Глока» пальцы сжимали какое-то музейное чудовище: массивная деревянная рукоять, сверху — торчит кремнёвый замок. Из длинного гранёного дула вилась тонкая струйка сизого дыма. Того самого. Серного.

Вновь потрясенно перевел взгляд на подстреленного мной перца. Твою мать! Никакого мотошлема, никакого скутера. Молодой, с бакенбардами и заливчатскими усами, ни разу не камбоджиец, валяется на траве зажимает ладонями пробитое бедро и стонет, будто ему засадили не в ляжку, а в семейное счастье.

К упавшему уже бежал другой мужик, плотно затянутый в черный мундир с высоким красным воротником и золотым шитьем.

Что за цирк с конями? Где этот ушлепок на скутере? Кино тут снимают, что ли? Или я все-таки схлопотал пулю и теперь ловлю глоки в реанимации?

Ко мне подбежал молодой офицер с безумным, лихорадочным блеском в глазах, бесцеремонно схватил за плечо и

тряхнул так, что клацнули зубы.

— Федька, не задет?! — голос его сорвался на петушиный вскрик.

На меня пахнуло ваксой, дорогим табаком и вином. Слишком плотно и осязаемо для предсмертного бреда! Я, знаете ли, профессионал по части алкогольного амбре, — и это прям настоящее. Могу даже определить, что этот красавчик мешал портер с портвейном. Жуткая смесь, между прочим. Боль в кисти от тяжёлой отдачи тоже была настоящая, тянущая, злая. В галлюцинациях так не болит. Там всё обычно красиво и в розовых тонах.

Пока я стоял истуканом, не в силах выдавить ни звука, пытаюсь натянуть на эту дичь хоть какую-то логику, рядом выросла еще одна фигура.

Плечистый, породистый офицер в богато расшитом кавалерийском мундире, заглянул в лицо, мазнул цепким взглядом по всей моей фигуре, повернулся к поляне, где над раненым немцем уже хлопотал щуплый господин с саквояжем, и... с размаху хлопнул меня по спине.

— Ну, брат, дело сделано! — гаркнул он, выбивая из моих легких остатки воздуха. — Дуэль закончена, Дризен не может продолжать. Доктор говорит, рана не смертельна. Жить будет. А нам пора отсюда чесать! Идем к экипажу, граф!

— Куда, нахрен? Ты кто? — начал было я, но тут же осекся. Из горла вырвался чужой, молодой и звонкий баритон.

Эти типы в карнавальных нарядах недоуменно переглянулись.

— Ты что, Федя? Сомлел, что ли? Никак в себя не при-
дешь? — скривился первый.

— Под дулом-то стоял как скала, а теперь вон как обмяк,
— хохотнул плечистый кавалерист, явно приняв мое, кхм,
легкое недоумение за нервный отходняк после стрельбы. —
Чай, первая дуэль, Федька! Надобно тебе горло промочить.
Поехали в рестораню!

— Да нет, погоди, сначала в полку надо показать героя.
Все ждут исхода! — заметил первый.

— Ну, в полк, так в полк. А затем — в рестораню!

Подхватив под руки, эти двое уверенно поволокли мое
онемевшее тело прочь с поляны. Позади стонал раненый,
что-то лопотал по-немецки доктор, а впереди сквозь деревья
маячили темные силуэты конных экипажей. Все еще изум-
ленный до крайности, я не сопротивлялся. А что тут можно
сказать? «Чуваки, я не в теме, и вообще — из будущего. Мне
бы обратно в Камбоджу 21 века»? Увы, нах. Не вариант.

Меня бесцеремонно впихнули на кожаное сиденье откры-
той пролётки, влезли следом, накинули на плечи плащ. Ям-
щик гикнул, полоснул вожжами по крупам лошадок, и про-
лётку рвануло вперёд.

— Нет, ты видел, Пётр, каков молодец наш граф Федор?
Герой! — кавалерист напротив хлопнул себя по колену..., а
я едва сдержал рефлекс ударить его наотмашь. Спокойствие,

спокойствие...

В голове тут же, как системное уведомление, всплыло имя: Иван Вяземский. Откуда я это знаю?!

— Дризен-то, хоть и успел побывать в переделках, все одно — не таков! — продолжал корнет, не зная, что только что чудом избежал хука справа. — Смотрю, идет к барьеру, а рука трясется, пистолет ходуном ходит, сам бледный как сосиска. Одно слово — немец-перец. А наш Федька — стоит себе, ровно на параде! Хоть портрет пиши!

Имя «Дризен» ударило по вискам. Перед глазами на долю секунды возникла постная, бледная рожа в высоком воротнике... Плац... Издевательский, скрипучий голос, отчитывающий меня перед строем. Черт!!! Это не мои воспоминания! Чужая жизнь прямо сейчас скачивалась в мою голову, как гигантский файл на трескучем диал-ап модеме.

— В ляжку — это он еще пожалел его, — назидательно поднял палец второй. Пётр Мятлев. Еще один прострел чужой памяти. — Мог бы в голову или в брюхо. Уж Федя-то стрелять умеет!

Откуда-то из глубин сознания вдруг выплыло знание: эти двое — Вяземский и Мятлев, — мои секунданты. Я только что стрелялся на дуэли.

— Ну, в голову — это уж чересчур, — Вяземский чуть нахмурился. — Убить старшего офицера — это тебе, братец, не в карты продуться. За это и каторга, а может, и чего похуже...

— Да полно тебе каркать, Иван! — отмахнулся Мятлев. — Я к тому говорю, что граф — стрелок отменный. Видал, как он пистолет-то поднял? Без суеты, без дрожи. Ровно, как на учениях. Я сам, два раза к барьеру выходил — и оба раза, признаться, коленки тряслись, как у институтки на первом балу. А Фёдке — хоть бы хны. То-то же — толстовская натура! Весь в папеньку!

Дружки со вкусом пересказывали друг другу увиденное, а я продирался сквозь сутолоку мыслей, ловя воспоминания чужой памяти. Граф Фёдор Толстой. Вот я кто. Двадцать один год, выпивоха, игрок, дебошир и скандалист. Мироздание не стало заморачиваться с кастингом и засунуло меня в тело такого же отбитого придурка, каким был я сам. Только сильно моложе.

— ... опять же, ежели взять в рассуждение твои, мон шер, выходки — так ты, Федька, оболтус, — продолжал разглагольствовать кавалерист. — Можно же было не выражаться в адрес штабс-капитана последними словами? Да еще во фрунте, перед всем строем! Дризен, конечно, зануда и педант, никакого света не видывал, но ведь старший по чину!

Тээкс. Выходит, я обматерил старшего офицера перед строем? Ну охренеть! Впрочем, судя по всплывшему образу этого Дризена, я бы и сейчас его послал.

— Э, нет, Иван, позволь! — Мятлев горячо подался вперед. Я, признаться, сам едва язык удержал, когда Дризен нашего Федю отчитывать стал. При всём строе, как мальчиш-

ку! — Ну, положим, стрелять в командира — это вольнодумство и крайность, — хмыкнул Вяземский. — Но и терпеть такое обращение...

— То-то и оно! — Мятлев назидательно поднял вверх палец в белой перчатке. — А в полку нынче что будет, представляешь? Вся гвардия гудит, ставки делают, а тут мы — с победой! Поручик Толстой — теперь наш первый герой!

— Так-то оно так, — Вяземский снова нахмурился и бросил на меня быстрый взгляд. — Да только герои у нас, Пётр, имеют обыкновение в крепость попадать. Нагорит теперь тебе, Федька, по полной. Александр Павлыч бретеров не шибко любит.

Казематы? Крепость? Сибирь? Гм. Мой внутренний параноик сильно напрягся. Выходит, я поменял пулю от московской братвы на царскую каторгу? Отличный бартер.

— Э, полно хандрить! — Мятлев беспечно откинулся на спинку. — До государя ещё дойти должно. А куда — ну что нам горевать? Жив Федька? Жив! Немец не помер? Не помер! Стало быть — шампанского! А там, глядишь, как-нибудь и обойдётся. У нас в России, Ваня, все всегда как-нибудь да обходится.

— А ежели представится-таки Дризен от антонова огня?

— Ну, помрет, так помрет. На то, стало быть, божья воля. Ему чинно — благородно в ногу попали. Ежели помрет — это уже от болезни, граф Толстой тут не при чем. И вообще — сам, шельма, виноват. Нечего было на рожон лезть да

Федьку нашего к барьеру вызывать!

Тем временем лес по обеим сторонам тракта начал редеть. Впереди, сквозь утреннюю дымку, проступили очертания городской заставы. Полосатый шлагбаум, желтая караульная будка, солдаты в высоких киверах, неспешно проверяющие подорожные у въезжающих крестьянских подвод. Женщины в странных салопсах, мужики в армяках.

Коляска начала сбавлять ход, скрипя осями. Из выкрашенной в черно-белые полосы будки к нам неспешно направился усатый унтер-офицер.

— Пашпорты извольте.

Я потянулся было за документами, но никак не мог вспомнить, где они.

— Что, Федор, мысли в поле остались? — хмыкнул Вяземский, потянулся к моему зеленому мундиру, небрежно брошенному на соседнее сиденье, покопался во внутренних карманах и извлек на свет плоский сафьяновый бумажник. Выудив оттуда сложенную плотную бумагу, протянул ее унтеру.

— Вот пашпорт графа Толстого.

Да ну нахрен. Прямо как в 21 веке: без бумажки ты — бумашка. А с бумажкой — граф Толстой!

Шлагбаум пополз вверх. Мы въехали в Петербург.

Тряска на разбитой грунтовке сменилась зубодробительным грохотом кованых колёс по булыжной мостовой. По сторонам тянулись невысокие каменные фасады, массивные де-

ревянные заборы, церковные купола. Вокруг кипела чужая жизнь, сошедшая со страниц учебника, который я, к слову, в школе и не открывал. Мужики в серых зипунах тянули скрипучие телеги, бабы в тёмных салопах тащили корзины, сновали чумазые мальчишки. Проехав какой-то короткой безымянной улочкой, мы свернули на широкий проспект — Невский, весь уставленный домами с незаконченными фасадами, строительными лесами и канавами вместо тротуаров. Натуральная стройплощадка!

Коляска свернула раз, другой. Улицы сузились, каменные дома отступили, уступив место деревянным. Память, вшитая в это тело, услужливо подсказывала: Преображенская слобода. Район, где квартировал полк. Только вместо казарм — россыпь невысоких деревянных домиков, разбросанных вдоль немощёных улочек. Что-то среднее между дачным посёлком и военным лагерем. Заборы, палисадники, бельё на верёвках, куры. Куры, мать вашу, на территории элитного гвардейского полка!

Тут и там виднелись стройки — это как раз делали кирпичные казармы. Но судя по всему, до окончания строительства было еще оооочень далеко.

Коляска выкатила на плац — утоптанную прямоугольную площадку, окаймлённую всё теми же светлицами.

— Господа, поручик Толстой вернулся! Цел и невредим! — выкрикнул кто-то, и тут же вокруг нас собралась натуральная толпа.

Казалось, на плац высыпал весь свободный от караулов офицерский состав. Преображенский полк. Спецназ ФСО, если по-нашему. Только вместо крапового берета — золотые эполеты и привилегия стоять ближе всех к императору на парадах.

Выглядели они великолепно. Нет, серьёзно — других слов не подберу. Черные мундиры с красными лацканами, золотые пуговицы, белые лосины, заправленные в высокие чёрные ботфорты. Эполеты, аксельбанты, перевязи, шпаги — столько блестящей бижутерии на квадратный метр я не видел даже в пномпеньских борделях. Не представляю, как в этом прикиде можно воевать. А ведь им — придется!

Из-под двуголок на меня смотрели десятки горящих, нетерпеливых глаз. Безусые прапорщики, матёрые поручики в расстёгнутых мундирах.

— Ну?! — крикнул кто-то, не выдержав. — Каков пасьянс, господа? Что со штабс-капитаном?!

Вяземский, картинно выдержав паузу, поднялся в экипаже в полный рост и победно гаркнул:

— Пуля в бедро! Наш Фёдор уложил барона Дризена с первого же выстрела!

Плац взорвался. Дикий, восторженный рёв, от которого шарахнулись лошади у коновязи. Меня выдернули из пролётки, как пробку из бутылки. Со всех сторон — хлопки по плечам, объятия, рукопожатия. Двуголки взмывали над толпой, как припадочные летучие мыши. Кто-то совал фля-

гу, кто-то норовил обнять. Появилось шампанское, хлопнула пробка. Вдруг краем уха я уловил звон монет и азартные крики:

— Гони полсотни, корнет! Моя взяла! Говорил же — поручик Толстой не промажет!

— Эх, чёрт, а я на Дризена ставил...

— На Дризена? Ты, братец, видно, в людях разбираешься, как свинья в апельсинах!

Принимая очередное поздравление, я криво усмехнулся. Вот поганцы! Да они тут пари держали. Ну чисто братва из девяностых на подпольных боях. Времена меняются, а люди всё те же.

Но раздавались и другие голоса.

— Радоваться-то погодите, господа, — перекрывая шум, заявил рослый капитан с суровым, рубленным лицом — Вы дело славное сделали, граф, спору нет. Весь полк этого гуся терпеть не мог. Да только немец-то не простой. У Дризена батюшка — губернатор Курляндский. Вот дойдет такая оказия до самого Государя Императора, и за простреленную ногу старшего офицера отправят графа прямиком в казематы. А то и в Сибирь, руды копать!

В офицерском собрании повисла тишина. Все уставились на меня.

Ну что сказать вам, господа? Конечно, ни крепости, ни Сибири мне нахрен не надо. Но стоит ли горевать? У меня полжизни прошло на грани тюрьмы и смерти. Час назад мне

светила безымянная могила на окраине душного Пномпеня и свинцовая маслина в затылок от московской братвы. А тут я — живой, здоровый, в теле двадцатилетнего аристократа. Да похрен на Сибирь! Зато я снова молод, силен, богат! А главное — жив.

И, криво усмехнувшись, я расправил плечи и, глядя прямо в глаза суровому капитану, выдал ровно то, чего от меня ждала эта толпа адреналиновых наркоманов:

— Сибирь? — я лихо, с вызовом оглядел плац. — Говорят, там девки красивые и морозный воздух очень полезен! Всяко лучше, чем в здешних петербургских болотах киснуть. Где наша не пропадала, господа?! Двум смертям не бывать, а одну я нынче утром благополучно миновал!

Офицеры ошарашено переглянулись, и.... мгновение спустя весь плац буквально взорвался восторженными криками молодых гвардейских офицеров.

— Вот настоящий гвардеец! Каторга может выйти, а ему всё как с гуся вода!

— Давай, Федька! Судьба — индейка, а жизнь — копейка!

— Браво, граф! — изумленно протянул Вяземский, глядя на меня как на умалишенного.

— Ура! — гаркнул Мятлев, вскидывая шляпу в небо. — Шампанского в честь поручика. Ставлю дюжину Клико, господа! Гуляем!

Слушал я эти восторженные крики, и вдруг остро почувствовал новое тело: крепкие плечи, тугие мышцы, лёгкость

в каждом движении. Мля... Я снова молод, силен, мне снова хочется жить. Достигать, побеждать, трахать. Двадцать один год, ни одного седого волоса, а внутри, несмотря на всю эту херню с дуэлью и каторгой, уже прет тот самый старый, бесшабашный задор — тот, что когда-то толкал меня на самые отбитые дела и который я давно уже растерял на извилистом жизненном пути.

К черту Пномпень. К черту московских братков. Теперь я снова в игре!

Пробуждение было тяжким. Будто вышвырнули на полном ходу из товарного поезда, мордой прямо в реальности. Твою мать! Внутри черепа с увлечением долбили перфоратором, а во рту стоял вкус кошачьего лотка, щедро присыпанный жжёным сахаром.

Попытка разлепить веки. Луч солнца резанул по глазам. Определенно, я не в своих пномпеньских апартаментах. Там блэкаут-шторы не пропустили бы ни лучика. Здесь чертовы фотоны носились, как олени в тундре — куда-сюда и как угодно.

Открываю глаза. Так и есть! Надо мной парит покрытый страшными трещинами и паутиной беленый оштукатуренный потолок. И все это прям до боли похоже на 19 век, и нихренашеньки — на 21-й. Капец. Мне не приснилось!

«Пить надо меньше», — констатировал внутренний голос. «Чтож ты, сука, молчал, когда наливали? — ответил я. — „Умён задним числом. Толку от тебя — как от лоцмана на

„Титанике!“

Прислушался. Снизу, сквозь скрипучие половицы, пробивались звуки живого дома. Кто-то упорно и невыносимо фальшиво брэнчал гаммы на клавикордах. Эту какофонию перекрывал громовой мужской бас. Отдельные слова долетали отчётливо: «...срам!.. позор фамилии!.. выпороть!..» Кого-то разносили в ноль. И я даже догадывался, кого.

Дверь тихо скрипнула. На пороге нарисовался пожилой слуга в долгополом сюртуке. Невысокий, сухой, с лицом печальной престарелой гончей. В руках он благоговейно держал запотевший глиняный жбан. Посмотрел на мою помятую физиономию. Потом — в сапог на подоконнике. Потом — снова на меня. Тяжело вздохнул и перекрестился.

— Ох, батюшка Фёдор Иванович! Опять в зюзю нализились-с. Вот уж Господь накажет ваше сиятельство!

Память услужливо подкинула первую вспышку — рваную, как файл с битой флешки.

... Попойка началась с дюжины «Вдовы Клико», выставленной Мятлевым в мою честь. Оказалось, эта «Клико» — на редкость весёлая вдовушка: сладкая, мутноватая, бьющая в голову, как кувалда, обёрнутая в бархат. Как благородный человек, я тут же выдал алаверды в виде встречной дюжины шампанского. Дальше — мадера, херес, портер, джин, коньяк. Любой нарколог грохнулся бы от этого вида в обморок. Но гвардейцы его императорского величества в душе не ведали ни слова «нарколог», ни слова «хватит».

Потом — жжёнка. Медный жбан с вином, сахарная голова на скрещенных саблях, облитая ромом. Ром вспыхнул синим адским пламенем. Данте со своими кругами нервно курит в сторонке. Пойло прожигало глотки и воспламеняло остатки мозгов. Прямо скажем, я в этом бизнесе не первый год. За свою жизнь пил всякое. Палёную осетинскую водку. Самогон из кумыса в Казахстане. Рисовый первач в камбоджийской деревне. Чифирь... известно где. Но гвардейская жжёнка — это топчик. Напрочь срывает башню!

С трудом прогнав воспоминание, я молча взял у старика жбан и жадно припал к краю. Ледяной огуречный рассол ударил по рецепторам, прокатился по пищеводу и взорвался в желудке освежающей бомбой. Боже. Эликсир жизни. Рассол — истинная скрепа нации.

Тут же в голове стало проясняться. Молодое тело справлялось с последствиями вчерашнего куда быстрее и злее, чем прежде, потрёпанное жизнью и загулами. Похмелье отступало, будто его пинками выгоняли из черепа. Я даже вспомнил имя слуги — Захар Архипыч.

— Али мало вам было душегубства на дуэли, — Архипыч забрал опустевший жбан и понизил голос до трагического шёпота, — что вы ещё и квартального с лестницы спустили-с?

Аа, черт. Ну да, было. Все началось с того, что я начал палить из дуэльных пистолетов в гипсовых амурчиков на потолке. Показывал, как подстрелил Дризена. Меня попросили

— я показывал, чего такого? Как на грех, никому не мог попасть в бедро. Затем Мятлев, вооружившись палашиком, с боевым кличем изрубил в капусту дорогое вольтеровское кресло — дескать, в нем засел невидимый французский шпион. Потом мы немножко подожгли паркет. Жженкой. Потом потушили, — шампанским, как положено.

Хорошая была квартира у корнета Вяземского! Боюсь, после той пьянки она уже никогда не будет прежней... Хотя — почему боюсь? Никто не заставлял корнета вести нас к себе. Я здесь ни при чем.

Да, так вот. В разгар веселья к нам на огонёк заглянул квартальный надзиратель. Соседи вызвали. Вот всегда найдётся сука, которая стуканет. Завидно, наверно, что мы гуляем, а их не пригласили.

Мы вели себя в высшей степени культурно. Честно предложили менту стаканчик. Тот отказался, мялся в дверях и нудно душнил про «нарушение тишины во вверенном квартале». Мог бы расслабиться, присоединиться к застолью, но предпочел остаться унылым говном при исполнении. Нет, драку затевать мы не стали — просто дружно, с хохотом и напутственными пенделями спустили блюстителя порядка с лестницы. Он бойко пересчитал ступени задницей, подобрал треуголку и испарился, сыпля проклятиями. Мы дали прощальный залп по изувеченному потолку и решили, что душа просит цыган. С медведями.

— А будочника ночью зачем побили-с? — продолжал ну-

дить Архипыч. — Полицмейстер уже записочку прислал батюшке вашему. Слышите, как разоряется?

Вспышка.... Ночная застава, фонарь, полосатая будка, перекосенная морда, мой кулак. Ах да. Побил-с. Был косяк. Не повезло мужику — попался под руку пьяному графу. Профессиональный риск, как у тех, кто работает в зоопарке рядом со львами и бегемотами.

— Вставайте, барин, — Архипыч понизил голос до трагического шёпота, забирая опустевший жбан. Шептал он примерно так же, как шепчут в морге: с почтением к покойнику и уверенностью, что хуже уже не будет. — Граф-батюшка в гнев страшном пребывает-с. Про дуэль уже узнали- с. И про подстреленного немца. Велели вам немедля вниз спускаться. Уж и не знаю, лишать наследства вас станет или сразу в Сибирь отпишет-с...

Отлично. Общение с разгневанным папашей — только этого мне с похмелья не хватало!

Архипыч тем временем под схватил сапог с подоконника и сконфуженно крикнул. Из голенища торчал кружевной кончик дамской подвязки! Старик вытянул ее двумя пальцами, как дохлую мышь, и с немым укором уставился на меня.

Я развел руками, ловя очередную вспышку воспоминаний... Бордель. Пышные груди, вываливающиеся из расшнурованного корсета. Удушливый запах пудры и приторной розовой воды. Женский визг. Шампанское. На мне скачала какая-то девица с кудряшками и родинкой над верхней губой.

Чисто ВИП-сауна в Медведково в девяносто пятом. Только шлюхи тут в кринолинах и говорят «моншери» вместо «папик». Как подвязка оказалась в сапоге — загадка, которую я не был готов разгадывать...

Архипыч с ловкостью бывалого камердинера молча спрятав улику в карман сюртука. Видно, не в первый раз. Перекрестился на угол с иконами и извлёк медный таз.

— Извольте бриться, государь мой! — церемонно заявил он.

Я опустил босые ноги на скрипучий дощатый пол. Архипыч щедро плеснул в физиономию ледяной воды из кувшина и пошел за кипятком. Я фыркнул, как конь, растёр лицо ладонями и впервые осмысленно уставился в мутноватое, тронутое патиной зеркало над комодом.

Оттуда на меня смотрел незнакомец. Молодой — двадцать лет, двадцать один. Хищный профиль, выющиеся крутыми кольцами темные волосы, плавно переходящие в густые бакенбарды. Презрительная складка у красиво очерченных губ, и злой, лихорадочный блеск в глазах — видно, с похмелья. Под распахнутой рубашкой — крепкое, жилистое тело, сплетённое из тугих канатов мышц. Ни грамма жира! Видно, годы муштры в Морском корпусе и гвардейского фехтования пошли Феденьке на пользу.

Покрутил головой. Пошевелил пальцами. Сжал, разжал кулаки. Тело слушалось легко, мощно, без привычной утренней ломоты в суставах. Бля... Молодое, злое, готовое на но-

вые подвиги. Старое похмелье уже почти не чувствовалось — организм двадцатилетнего отморозка выжигал его в разы быстрее, чем мой прежний, потрёпанный камбоджийский вариант. Оскалился в зеркало. Незнакомец оскалился в ответ. Зубы — все на месте, белые, ровные. По меркам эпохи — просто голливудская улыбка.

Старик тем временем вернулся с дымящимся кувшином и, завывая про папенькин гнев, ловко взбил воняющим свиной щетиной помазком мыльную пену. А затем извлек её.

Опасную бритву. И всё бы ничего, но руки у старого хрыча тряслись с амплитудой отбойного молотка. Переживает, значит, за судьбу барчука.

— Задерите подбородочек-с, — прошамкал этот ассасин на минималках, пристраивая лезвие к моему кадыку.

Поначалу я было хотел наотрез отказаться. Потом решил что небритый граф — это моветон. Зажмурился и перестал дышать. Сердце колотилось, как перед разборкой в девяносто шестом. Вот это я понимаю — настоящий экшен: не пуля в лоб от братвы, а тихая смерть от дедовской дрожи. Если он сейчас чиркнет чуть глубже — привет, Сибирь отменяется, сразу на погост.

Бритва с мерзким сухим хрустом пошла по щетине. Я сидел вытянувшись в струну, молясь всем богам, чтобы в доме никто случайно не хлопнул дверью. Вот же судьба: выжить в бандитских мясорубках девяностых, крутить схемы в нулевых, семь лет расхлебывать их последствия в Камбодже — и

всё ради чего? Чтобы меня зарезал трясущийся дед?

Старикан брил меня и продолжал тряндеть:

— Бумага пришла от командира полка вашего, от Петра Александровича. Так батюшка как прочли — аж лицом потемнели. Рвут и мечут-с. Сервиз саксонский побили. Третий за год-с.

Оппа! Я мысленно присвистнул. Третий саксонский сервиз за год — неплохая статистика! Наверное, граф-батюшка по части буйства крови от сыночка недалеко ушёл. Яблоко от яблони, как говорится. Точнее — граната от гранатомёта.

— Велели вас тотчас волочь, как глаза пролупите-с, — траурным полушёпотом закончил Архипыч, и тут рука его дрогнула.

— Ай! — я схватился за скулу. — Архипыч, твою мать! Если ты мне сейчас горло вскроешь, в Сибирь ссылать будет некого.

— Простите, батюшка Федор Иванович! — у старого лакея задрожали губы. — Уж очень я переживаю. Совсем вас батюшка-граф за пустого человека считает!

Таак... Судя по всему, у графа Федора отношения с папенькой — так себе.

— Ладно, давай заканчивать. Только поаккуратнее, не дрова рубишь! Думай... не знаю, о бабах, что ли. Только не о каторге!

Наконец, бритье закончилось, я оторвался от зеркала и перевел взгляд на туалетный столик. На нем лежал форменный

арсенал: Какие-то серебряные петельки, костяные ложечки размером со спичечную головку, баночки с розовой пудрой, куски замши и какой-то совершенно инквизиторского вида скребочек.

— Это ещё что за пыточные инструменты? — хрипло спросил я, ткнув пальцем в последний девайс.

— Окститесь, батюшка Федор Иванович, — Архипыч укоризненно покачал головой с видом «совсем молодой барин спилси-с». — Налёт с языка снимать-с. А ложечки — копоушки-с, ушки почистить. Третьего дни, помнится, вы ими в трактире девкам фокусы показывали-с.

Я мысленно застонал, а Архипыч тем временем откупорил пузатую банку, щедро зачерпнул пальцами желтоватую мазь и с энтузиазмом маньяка с циркулярной пилой двинулся на меня.

— Стоять! — я инстинктивно отшатнулся. — Ты что уду-мал, Архипыч? Картошку на мне жарить?

— Помилуйте-с, ваше сиятельство! — оскорбился дядька так, будто я усомнился в его профессиональной чести. — Сало медвежье, натуральное! Лучшая парижская помада! Не всклокоченным же, аки леший, к графу-батюшке идти. Чай, не первый год к вам приставлен, всю фанаберию знаю-с. Кудри-то ваши хороши, но прическа «а-ля Титус» твёрдой укладки требует-с.

Тут я слегка завис. Медвежье сало. Парижская помада. То есть где-то в сибирской тайге мужик валит медведя, вытап-

ливают из него жир, а потом французские извращенцы мешают это с жасмином — и всё ради того, чтобы какой-то граф мог уложить себе кудряшки перед завтраком. Охренеть не встать.

Пока я тупил, Архипыч, решив, что молчание — знак согласия, злодейски накинул мне на волосы мазок этой дряни и начал привычными движениями втирать ее в волосы. Процесс невольно заставил вспомнить слово «головомойка». «Ладно, черт старый» — злобно подумал я — «раз уж у вас так все устроено, так и быть, потерплю».

Затем в ход пошёл одеколон. Слугащедо окропил мне завитую шевелюру «кёльнской водой» — не побрызгал, а именно окропил, как батюшка прихожан на Крещение. Затем на кой-то хрен протянул кусочек колотого сахара, обильно политый тем же парфюмом.

— Откушайте, Фёдор Иванович. Для нутра дюже полезно от вчерашних возлияний-с.

Пахло как освежитель воздуха в туалете торгового центра. Нет, хуже — как в тот момент, когда освежитель уже не справляется.

— Ну нахрен, — я с опасением отодвинул руку слуги. — Давай одеваться.

Что тут началось... В своем времени я бы натянул джинсы с футболкой за сорок секунд. Здесь процесс напоминал сборку швейцарских часов вслепую. Сперва — архаичное исподнее. Затем — узкие, как вторая кожа, панталоны из оленьей

замши. В моем времени за такие штаны сразу бы записали в завсегдатаи гей-клуба, а тут ничего, гвардейский шик. За ними — сорочка с кружевным жабо, в котором я чувствовал себя выставочным пуделем. И наконец, тяжелый, как бронжилет, вицмундир.

Но финальным боссом стал галстук. Архипыч извлек накрахмаленную муслиновую простыню, трижды обмотал мне шею и затянул узел.

— Извольте подбородок опускать-с. Не дыша, чтоб складочки легли!

Я рассеянно кивнул, и ткань под подбородком громко хрустнула. Старик горестно охнул, всплеснул руками и сорвал конструкцию:

— Испорчено-с! Крахмал сломан, криво пошло! Разве ж можно так в свет? Засмеют-с! Вы же по горячности своей опять кого-нибудь застрелите от обиды! Дубель второй-с. Извольте шею тянуть!

Пока лакей хлопотал с галстуком, я попытался собраться с мыслями перед явлением пред грозны очи графа Толстого-старшего. По всем понятиям, у нас с Феденькой серьёзный залет. Что тут дворяне делают в таком случае? Может, извиниться? Был неправ, всплылил, тыр-пры-сорок дыр.... Ладно. Буду держаться паинькой. Хотя бы первые пять минут.

Дубль второй провалился так же, как и первый. И третий. И четвёртый. После пятого я уже тихо ненавидел всё: му-

слин, крахмал, моду, Францию, откуда эта мода приползла, и особенно — мудака, придумавшего, что мужчина из высшего общества должен выглядеть как подарочная коробка.

Наконец с восьмого раза все получилось. Подойдя к зеркалу, я осторожно, стараясь не дышать, попытался повернуть голову, и понял, что шея из-за чертова галстука совершенно не крутится.

И тем не менее, я был хорош. Молод, горяч, элегантен. Да, минус тридцать лет — это не шутка! Да и вообще, апгрейд вышел шикарный: мотор новый, кузов без пробега, ходовая в идеале. Жаль только, что эту элитную тачку вот-вот заберут на штрафстоянку под названием «Шлиссельбург».

Пора было предстать пред взором взбешенного графа Толстого-старшего.

Глава 2

Не без волнения я спустился по лестнице. Каждая ступенька предательски скрипела, докладывая вниз: идет, идет, уже близко. Мысленно перекрестившись, я толкнул тяжелые двустворчатые двери и шагнул в залитую солнцем столовую.

Завтрак стыл на столе нетронутым. Аппетит в доме отсутствовал по вполне уважительным причинам. На дальнем конце стола бледная матушка, Анна Фёдоровна, беззвучно шевелила губами — молилась за сына-дегенерата. Шестнадцатилетняя сестрица Вера вжала голову в плечи, настойчиво пытаюсь мимикрировать под обивку стула. Знакомая картина. Сам так сидел в девяносто втором, когда мать нашла у меня под кроватью два журнала «Плейбой» и пачку баксов толщиной с кирпич.

Во главе стола возвышался папенька. «Граф Иван Андреевич Толстой. Сенатор». — подсказала чужая память. С виду — настоящий монумент родительского гнева. Багровое лицо, желваки размером с грецкий орех, в глазах — раскаленное, искреннее бешенство.

— Доброго здравия, батюшка! — бодро выдал я, бодро выдал я, сам удивляясь, насколько легко и нагло это прозвучало. Прежний, «камбоджийский» я, стоял бы с каменным лицом и фильтровал каждое слово. А тут — бац! — и уже улыбаюсь, как придурок на дискотеке.

— Чудное утро. Отчего же никто не кушает? Остынет ведь.

Отец с размаху грохнул кулаком по столу. Фарфоровые чашки подпрыгнули, серебряный молочник жалобно звякнул и опрокинулся, пустив по скатерти белую реку.

— Явился, каналья! — рывкнул он с такой силой, что хрустальные подвески на люстре истерично брызнули звоном. — Хоррош! Я в Сенате законы Российской Империи пишу, а мой сын их по кабакам попирает да в грязь втоптывает! Ты, щенок, смерти моей ищешь?!

Матушка тихо всхлипнула. Вера зажмурилась. Только я стоял в дверях совершенно спокойно. За тридцать лет в бизнесе успел насмотреться на разъяренных мужиков с красными лицами и выработал стойкий иммунитет. Крик — это просто шум. Сто раз замечал: кто орет, тот не кусает. Бояться надо тех, кто молчит. А сейчас, к тому же, внутри что-то щёлкнуло — лёгкое, дерзкое, почти весёлое. Будто тело Федьки само решило: «А да похер, погнали!».

— Что стоишь?! — взревел отец, обнаруживая в себе новые резервы громкости. — Язык проглотил? Вот лучше бы ты вчера так молчал, а не крыл во фрунте командира по матери!

— Виноват, батюшка, — произнес я ровным, напрочь лишенным раскаяния тоном. И тут же внутри себя отметил: прежний "я" бы уже просчитывал, как выкрутиться помягче. А здесь язык так и норовил выдать дерзость, будто молодой

граф внутри меня решил по-быстрому добавить перца.

— Виноват?! — стул под сенатором хрустнул. — Ты старшего офицера при нижних чинах обложил! На дуэли подстрелил! Под трибунал пойдешь!

— Он первым меня оскорбил, — негромко заметил я. Опять. Спонтанно. Легко. Словно тело само решило ответить, не дожидаясь разрешения мозга.

— За дело! За опоздание на смотр! А ты, молоко на губах не обсохло, в бретёры полез!

Тут, довольно некстати, всплыло Федькино воспоминание. Лента Невы, питерские крыши, проплывающие внизу.... И парящий над городом воздушный шар.

Короче, этот лишенец реально опоздал на смотр из-за того что летал на воздушном шаре с французом Гарнереном. Понятное дело! Представьте, что Илон Маск решил запустить ракету с Васильевского острова и посадить первую ступень на «Газпром Арену». Примерно такой же уровень ажиотажа. Полгорода припёрлось глазеть. И Феденька, разумеется, расшибся в лепешку, но попал в его корзину. Ну а что? Граф Толстой не ищет приключений — они сами его находят.

Результат закономерный: на полковой смотр Федя опоздал. Вдрызг.

— ...ты понимаешь, что я в Сенате, на виду? Твои художества, Федька, мне боком могут выйти! Дойдет до обер-прокурора — и привет. Поедем мы из Петербурга в поместье жить, в Тамбовскую губернию! А уж если государь узнает...

— батюшка-граф весь стрялся от негодования.

Вот тут-то мне бы и покаяться. Рассказать, как сожалею, что это больше никогда-никогда не повторится... Но вместо этого внутри снова щёлкнуло — лёгкое, дерзкое, почти радостное. Тело Федьки явно начало переписывать мои привычки.

— А что надо было сделать? Молчать, когда тебя мордой возят при подчиненных? — перебил я, слегка повышая голос.

В столовой повисла мертвая тишина. Матушка подняла заплаканные глаза. Отец из багрового стал лиловым, и уставился на меня, как на неведому зверушку.

Черт. Я не этого хотел. Ау, верните все взад!

— Ты опять дерзить вздумал? — чеканя каждый слог, процедил он.

Понял. Перегнул. Был неправ, вспылil. Срочно переключаемся на местный пафос.

— Говорю, батюшка, что честь фамилии Толстых не позволила стерпеть, — твердо глядя ему в глаза, отрезал я. — Дризен унизил меня при солдатах. Я ответил так, как велела честь нашего рода.

Сработало. Багровые пятна на отцовском лице начали светлеть, сменяясь нездоровой серостью. Он тяжело опустился обратно в кресло. Внутри сенатора эмоции уступали место холодному расчету. «Остыть и думать башкой» — так это называлось на стрелках в девяностые.

— Кровь... Толстовская кровь, будь она проклята, — выдохнул он сквозь зубы. И заговорил другим, тихим, ледяным тоном. Трагедия кончилась, началось решение проблем. — Полковник в бешенстве. Рапорт уже пошел. Старик Дризен — курляндский губернатор, связи огромные, жена фрейлиной при Государыне. Дело дойдет до Императора. Ждет тебя, Федька, Шлиссельбургская крепость.

Тадамм... В чужой памяти Шлиссельбург сразу ассоциировался с каменным мешком на острове. Местная «Матросская тишина», только без передачек, адвокатов и надежды на УДО. А внутри меня снова что-то весело щёлкнуло — вместо привычного холодного расчёта вдруг вспыхнуло лёгкое «а похер, прорвёмся». Тело Федьки явно перестраивало меня на свой лад: меньше осторожности, больше спонтанного куража.

— И эти твои коленца — удар по всей фамилии! — багровея, припечатал отец. — Нам откажут от двора. Все двери закроются для всех нас. Разом!

Он тяжело опустился в кресло и погрузился в молчание.

— Ну так может нам пробить тему и... — начал я, но по недоуменным взглядам домочадцев понял, что говорю что-то не то.

«Стоп. Мы в девятнадцатом веке. Фильтруем базар, улыбаемся, кланяемся!» — мысленно рявкнул я на себя. Но даже эта мысль прозвучала как-то легко и по-хулигански. Прежний Ярослав в Камбодже никогда бы не полез с таким

предложением вслух. А тут — чуть не ляпнул «пробить тему» при всей семье. Тело явно брало верх.

— В смысле, посоветоваться со знающими людьми, как быть при этакой, ээ, оказии? — переменив тон на лету, сформулировал я на языке аборигенов.

Отец мрачно покачал головой.

— Ты и твои выходки уже всем осточертели, граф Федор. Посему шанс у нас один: убрать тебя быстро и далеко. На нет и суда нет. Одевайся в парадный мундир. Едем к Петру Александровичу.

В памяти Федора тут же всплыло, что Петр Александрович — это один из рода Толстых, полковник Преображенского полка. Тот самый, что пристроил Феденьку на службу.

В общем, батюшка выбрал «звонок крыше». Правильный ход. Собственно, без вариантов.

Через четверть часа, затянутый в парадный мундир, как колбаса в оболочку, я стоял у семейной кареты. Архипыч напоследок смахнул невидимую пылинку с моего эполета и перекрестил в спину. Судя по всему, он крестил меня каждый раз, когда я выходил из дома. Учитывая жизнь графа Толстого — весьма разумная предосторожность.

— Илюшка, гони на Миллионную! — скомандовал папаша, тяжело забираясь в сильно накренившуюся под ним карету.

Дверца кареты захлопнулась, молодой вихрастый кучер щёлкнул кнутом, рессоры скрипнули, и экипаж покати

МОСТОВОЙ.

Через четверть часа наша карета катила по булыжной мостовой. Мы ехали напрямиком в логово зверя — к генералу Петру Александровичу Толстому. Наш дальний родственник и, что самое паршивое, действующий командир моего родного Преображенского полка. Главный босс. Именно он сейчас решал: закатать меня под трибунал или дать шанс выкрутиться.

— Слушай внимательно и не смей перебивать, — начал отец, глядя в окно на проплывающие мимо фасады. — Петр Александрович скор на расправу, даром что из Толстых. Дисциплину держит железную, государем обласкан. Войдешь в кабинет — вытянешься во фрунт и замрешь. Никаких ухмылок. Ты не бретёр, а кругом виноватый дурак, осознавший свою ничтожность. Понял?

Я кивнул. Ну а что, вполне чоткий инструктаж: стой смирно, фильтруй базар, не быкуй на старших.

Только вот был один крайне сомнительный момент. Отчего-то я только что повысил голос на «отца». Не хотел, а повысил. Залупился. На рожон полез. Прежде такого куража за мной не водилось. А тут Федькина натура уже вовсю переписывала мои тормоза на «газ в пол».

Карета свернула на Миллионную — самую статусную улицу столицы — и затормозила у строгого, массивного особняка в классическом стиле. Никакой лишней лепнины, пух-

лых амуров или вычурной позолоты. Дом военного человека. У парадного входа застыли, как изваяния, два гренadera-преображенца с ружьями и швейцары в ливреях. Швейцары мазнули по моему помятому мундиру неодобрительными взглядами, но взглянув на батюшку Ивана Андреевича, тут же распахнули двери.

Внутри царила атмосфера полевого штаба перед наступлением. Просторная приемная гудела, как растревоженный улей. Сновали туда сюда люди, причем исключительно военные: зятянутые в сукно щеголеватые адъютанты, фельдъегери с запечатанными депешами, хмурые штаб-офицеры с пухлыми папками под мышкой. Люди, двигавшие полками империи, ждали своей очереди с каменными лицами.

Батюшка, утратив часть своего домашнего гонора, подошел к столу дежурного адъютанта — лощеного хмыря с ледяным, немигающим взглядом. Разговор поначалу не клеился: капитан сухо сообщил, что его превосходительство изволят сильно гневаться и принимают нынче исключительно по срочным государственным делам. Родственные визиты отменены.

Отец тяжело вздохнул и отошел. Затем, подозвав лакея в ливрее и дурацком парике, с повадкой опытного коррупционера, заложил меж страниц сложенной записки хрустящую государственную ассигнацию и вдвинул этот питательный «бутерброд» под локоть. Лакей и глазом не моргнул. Записка бесследно растворилась в рукаве ливреи, а сам слу-

га, скупно кивнув, бесшумной тенью скользнул за массивные дубовые двери.

Ну, это мы знаем. Не подмажешь — не поедешь.

Ждать пришлось недолго. Створки распахнулись, и появившийся лакей сделал короткий, приглашающий жест:

— Извольте-с.

Войдя, мы сразу уперлись в огромный стол, заваленный развернутыми картами, сводками и рапортами. За столом, опершись на столешницу костяшками пальцев, стоял Петр Александрович Толстой. Высокий, сухопарый, с тяжелым взглядом человека, привыкшего отдавать приказы, не терпящие ни малейших возражений. Генерал даже не предложил нам сесть.

— Здравствуй, Иван Андреевич, — бросил он отцу вместо приветствия, после чего перевел взгляд на меня. — А вот и наш герой. Гроза столичных трактиров, без промаха стреляющий в собственных командиров. Что, поручик? Скажешь, не так? Может, и меня вызовешь, да пристрелишь? Чего уж мелочиться — где штабс-капитан, там и генерал!

Как и было велено, я молча вытянулся по стойке смирно, преданно поедая начальство глазами.

— Молодость, Петр Александрович, горячая кровь разыграла... — попытался встрять отец с примирительной интонацией, но генерал оборвал его резким взмахом руки.

— Горячая кровь хороша на поле боя, Иван Андреевич. Там за нее кресты дают. А в столице за нее лишают чинов,

дворянства и ссылают руды копать!

— Готов пойти в действующую армию! На любой фронт!
— тут же выкрикнул я.

Отец побагровел, оборачиваясь на меня с видом «тебе что было сказано?». А генерал тяжело покачал головой.

— Знаешь, Иван Андреевич, я бы с превеликой радостью засунул этого молодца в действующую армию. Под картечь, под пули. Но вот незадача, — генерал саркастически усмехнулся, разводя руками. — Войны сейчас нет! В Европе тишь да гладь. Наполеон затих, с Англией перемирие. Ни с турком, ни с персом не воюем. Кавказские горцы — и те затихли. Стрелять не в кого! Скукота! Впервые за сто лет Империя ни с кем не воюет. Надо же было твоему олуху выбрать именно этот момент, чтобы устроить пальбу!

Батюшка только руками развёл. Мол, воля божья, не мы выбирали. А я мысленно перевёл дух. Войны нет. Прекрасно. Замечательно. Лучшая новость за утро. Единственная хорошая, собственно.

Поднявшись из-за стола, генерал начал расхаживать туда-сюда по кабинету, заложив руки за спину. А у меня в голове крутились разные соображения. Нет войны. Это явно ненадолго. Но раз мы не воюем, значит наверняка ведем разные переговоры. А это дело я люблю, и, прямо скажем, умею!

И, хоть и приказано было молчать, решил я рискнуть. Все-таки судьба решается!

— Ваше превосходительство, дозволейте высказаться!

Оба — и генерал, и отец — устали на меня.

— Что ещё?! — рыкнул генерал. Грозно, но, скорее, по инерции.

— Отправьте мне курьером по дипломатической линии! В любое посольство — хоть в Персию, хоть к китайцам. Нет меня в Петербурге — и суда нет. Дризы остынут, дело заглохнет.

Петр Александрович остановился напротив меня, глубоко-комысленно задрал брови.

— Можно, конечно, было бы спровадить тебя с глаз долой. Отправить срочным курьером к черту на кулички, в какое-нибудь захолустное азиатское посольство, лишь бы духу твоего в Петербурге не было, пока скандал не уляжется. Но ты же для дипломатии никак не годен! С твоим бешеным нравом ты сам, чего доброго, войну устроишь, не сходя с места. Не дипломат ты, братец, а пороховая бочка с зажженным фитилем!

— Так что же делать, граф Петр Александрович? — тихо спросил отец. — Он ведь тоже Толстой. Ну как можно ему в крепость? Семейная честь все-таки!

Пётр Александрович помолчал, затем неожиданно устало потер переносицу, и вся его генеральская выправка на миг куда-то испарилась.

— Непутевые у нас с тобой, Иван, сыновья, — глухо произнес он, опускаясь в кресло. — Хоть и каждый по-своему, а всё одно — наказание господне.

— Твой-то, Петр Александрович, чем провинился? Тихий юноша, обходительный. Не чета моему обормоту! — осторожно спросил отец.

Генерал брезгливо поморщился, словно ему под нос сунули дохлую крысу.

— Тихий... Обходительный... Тьфу! В девку он уродился, вот что я тебе скажу. Мазила! Всю плешь мне проел со своей Академией художеств. Я ему военную карьеру строю, путь наверх пробиваю, а он что? А он, извольте видеть, гипсы малюет да над глиной слезы льет. Искусство у него!

Отец сочувственно кивал, а я стоял по стойке смирно и нихренашеньки не догонял, куда он клонит.

— Намедни государь утвердил состав кругосветной экспедиции, — досадливо морщась, продолжил командир полка. — Камергер Резанов с капитаном Крузенштерном отправляются к берегам Америки. Дело государственной важности. Резанову в свиту, для солидности и представительства перед дикарями да японцами, понадобился человек из хорошей фамилии. Ну, я подсуетился, выбил место для Федьки. Думал — океан, шторма, дисциплина флотская выбьют из него эту дурь. Настоящим офицером вернется!

Петр Александрович с силой хлопнул ладонью по столешнице.

— И что ты думаешь?! Этот мерзавец мне вчера сцену закатил! На колени падал. Вopil, что моря боится, что от качки умрет, что руки у него для кисти созданы, а не для

вант и канатов. Грозился руки на себя наложить, если я его на корабль загоню. Тьфу, срам какой!

Отец сочувственно покачал головой. А у меня внутри будто пазл соединился.

Вот оно!

Глава 3

Экспедиция! Мать честная! Три года вдали от Петербурга. Это же законный повод исчезнуть!

Разумеется, я не мог промолчать.

— Ваше превосходительство, дозвоьте уточнить. В бумагах экспедиции ваш сын значится как «граф Фёдор Толстой»? Канцелярским крысам в Адмиралтействе, наверно, не велика разница — Петрович он или Иванович? Титул тот же, фамилия та же...

Генерал кивнул. Отец, глядя на нас, затаил дыхание.

— Так давайте, я поеду вместо кузена, — сказал я. — Три года в море. На Аляску, к алеутам, к чёрту в пасть. Фёдор Петрович остается на своих кистях и гипсах. Ваша совесть чиста. А меня не будет в Петербурге, пока дело Дризена быльём не порастёт.

Тишина. Пётр Александрович медленно поднялся. Подошёл вплотную. На меня пахнуло дорогами табаком и какой-то суровой, военной властью. Долго смотрел на меня. Нехорошо так смотрел, оценивающе. Глаза у него были тяжёлые, как два чугунных ядра.

— Ни за что, — отрезал он. — Ишь ты, на край света спрятаться захотел! И не мечтай! Только я такого позора не потерплю. Мой сын — художник, а ты — бретёр. Он поплывет в кругосветное плавание, чтобы из размазни стать муж-

чиной. А ты отправишься в крепость, чтобы научиться себя вести.

Отец побледнел.

— Пётр Александрович... брат... ну нельзя ли хоть что-то сделать? Может, к гофмаршалу нас подведёшь? Ты же с ним в хороших отношениях. Одно слово — и всё можно уладить по-тихому...

Генерал тяжело вздохнул, провёл ладонью по лицу и развёл руками. Вид у него был искренне усталый.

— Было бы больше времени, Иван Андреич, может, и помог бы. А так... завтра на рассвете я отбываю в лагерь на манёвры. Полк уже поднят, приказы подписаны. Даже не знаю, что тебе подсказать. Разве что... молись, чтобы Дризен от раны богу душу не отдал. Тогда, глядишь, и забудется.

Отец сидел, словно его только что ударили по лицу. Генерал поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

— Всё, господа. Больше ничем помочь не могу. Скатертью дорога... то бишь, счастливого пути. В крепость!

Мы с отцом вышли из кабинета. Лакей затворил за нами дверь с тяжёлым, окончательным стуком.

Спустившись по лестнице, мы молча сели в карету. Как только дверца хлопнулась, батюшка не выдержал.

— Ну что, граф Фёдор. Опять ты всё испортил? Я же просил — стой смирно! А ты полез со своим языком... Теперь точно Сибирь. Илюшка, домой!

Тут внутри уже весело щёлкнуло — легко, дерзко, почти

радостно. Генерал сказал «нет». Отец сдался. Значит, придётся брать всё в свои руки. По-нашему. По хитрожопому.

— Илюшка, стоять! — кинул я кучеру, вконец оторопевшему от разнонаправленных приказов. — Батюшка, — спокойно и весело произнес я возмущенному Толстому-старшему — а если я сам всё проверну? Без вашего имени, без риска для вас.

Отец повернулся ко мне так резко, что карета качнулась.

— Ты с ума сошёл? Что ещё за «сам»?

— Подкуплю лакея. Пройду к кузену «проведать». Генерал отбывает на манёвры — он не узнает. Кузен сделает вид, что убыл на корабль, а сам поживёт тихонько в гостинице три дня и вернётся. Все подумают, что он уже в море. А я вместо него плыву. Списали — и дело с концом.

Отец уставился на меня, как на незнакомца. А я смело смотрел на него, сам поражаясь собственной наглости. Прежний я ни за что бы на такое не решился. А здесь язык сам чесался.

— Ты... ты серьёзно предлагаешь обмануть генерала Толстого? Подделать документы и занять чужое место? Ты хоть понимаешь, что будет, если всплывёт этакое дело?!

Я пожал плечами и улыбнулся — той самой улыбкой, от которой в девяностых у "партнёров" начинали дрожать руки.

— Понимаю. Но ещё лучше понимаю, что если я сейчас попаду в Шлиссельбург, то, может быть, уже никогда оттуда не выйду. А так — у меня три года, чтобы исчезнуть. И вы,

батюшка, наконец, увидите, что ваш сын — не просто балбес и пустое место.

Повисла тишина. Отец долго смотрел на меня. Потом медленно покачал головой.

— Чёрт возьми, Фёдор Иванович... Я тебя сегодня не узнаю. Никогда таким не был. Ладно... Действуй. Только тихо. И чтоб ни одна живая душа не узнала.

Я кивнул. Внутри уже разгорался знакомый бесшабашный огонь.

— Заметан... Хорошо. Только выдайте, пожалуйста, пару монет для подмазывания местных холуев!

Отец сунул мне несколько тяжелых серебряных рублей и остался в карете, нервно барабанив пальцами по колену. А я выскочил и, придерживая шпагу, бодро побежал обратно в особняк. У дверей, как два чугунных истукана, стояли гренадеры-преображенцы с ружьями на плече. Я направился прямо к ним, на ходу лихорадочно соображая, что бы такого сказать, чтоб пройти без палева.

— Я тут это... копоушки забыл в приёмной, братцы, — бросил я на ходу самым беспечным тоном, какой только смог изобразить. — Генерал велел вернуться и забрать.

Один из гренадеров хмуро глянул, но пропустил. Шустро проскочив внутрь, я миновал все еще битком забитую приемную, свернул за угол и почти сразу наткнулся на того самого лакея, которому отец часом раньше незаметно всучил ассигнацию.

Поймав его за рукав, сунул в ладонь серебряную монету и улыбнулся - той самой улыбкой, от которой в девяностых у людей сразу слышали шуршание крупных купюр.

— Слышь, братец, — тихо, но веско сказал я, — смерть как хочу проведать кузена. Графа Фёдора Петровича. Тихо и быстро. Ты меня не видел, я тебя тоже. Договорились?

Лакей, немного охренев от «братца», посмотрел на деньги, потом на меня — и, наконец, всё понял. Монета исчезла в кармане ливреи быстрее, чем я моргнул. Опытный!

— Сюда, ваше сиятельство, — прошептал он. — Только тихо, генерал ещё не уехал.

Взбодренный удачей, я взлетел по узкой лестнице на второй этаж. Дверь была заперта. Постучал — веско, по-хозяйски, костяшками.

— Уйдите! — донесся из-за двери сдавленный, истеричный вопль. — Я уже сказал отцу — на корабль не ступлю! В Неву брошусь, богом клянусь!

— Бросайся на здоровье, — громко и бодро отозвался я. — Только сперва дверь открой. Это Фёдор. Твой любимый кузен и по совместительству — личный ангел-хранитель.

За дверью повисла озадаченная тишина. Потом лязгнул замок. В щель высунулся бледный, всклокоченный тип с чубом, перемазанным углём, и полными ужаса глазами.

— Фёдор?! Но... тебя же должны были в крепость... Что ты здесь делаешь?!

Не желая общаться в дверях, я решительно толкнул дверь

плечом и вошел, как к себе домой.

Комната напоминала склад после артобстрела: гипс, эскизы, голая Венера в углу и наполовину собранный рундук. Сам кузен не производил впечатления мореплавателя: тонкие черты лица, острый нос, мелко дрожащие губы. Одно слово — художник. Которого может обидеть каждый.

— Ну что, аргонавт? — я широко улыбнулся и сгрёб со стула ворох набросков. — Не желаешь, значит, к дикарям плыть? Правильно. Я бы тоже не хотел.

Феденька смотрел на меня круглыми глазами, всё ещё не веря, что это не сон.

— Да это же ужас кромешный... — выдохнул он дрожащим голосом. — Куда-то на край света пилить! Я человек искусства, медальер. Я там с ума сойду от этих грубых людей!

— В общем так, художник. Времени в обрез, — я сгреб со стула ворох каких-то набросков и уселся верхом, опираясь руками на спинку. — Батюшка твой рвет и мечет. Но мы с ним перетерли проблему. Есть маза прыгнуть тебе с этой вашей кругосветки.

Феденька замер, приоткрыв рот. Кажется, половину слов он просто не понял, но суть уловил четко.

— Как... прыгнуть? Пётр Александрович отменил приказ?

— Бери выше. Я отменил! Смотри: я беру твой срок на себя, — кузен моргнул, а я придвинулся к нему поближе, ин-

тимно понижай голос. — Ты остаешься здесь, малюешь свои картины, мнешь гипс, мнешь моделей — я покосился на Венеро-Диану — и наслаждаешься твердой землей под ногами. А я вместо тебя еду к алеутам жрать тартар из моржового мяса.

Кузен побледнел ещё сильнее, потом пошёл красными пятнами.

— Ты... ты серьёзно?! — прошептал он, хватаясь за сердце. — Да меня же... если узнают... это же подлог! Государственное дело! Меня в крепость, а тебя... тебя повесят!

— Никого не повесят, — я махнул рукой. — Генерал будет на манёврах, никто не проверит. Или ты хочешь в море?

Кузен замотал головой так, что чуб разлетелся во все стороны.

— Нет-нет-нет! Я не могу! А если шторм? А если цинга? Если мы вообще не вернёмся?! Я читал про экспедиции... люди там умирают! Я... я лучше в крепость, чем в эту пучину!

Наклонившись ещё ближе, я ласково, по-акульки улыбнулся.

— Отлично. Так давай поможем друг другу! Ты остаешься в Питере, рисуешь свои гипсы, лепишь картины, общаешься с натурщицами. А я исчезаю на три года. Все в выигрыше!

Двоюродный Федор продолжал тарашиться на меня, хлопая глазами.

— Да я бы рад, честно! Но как? Подмена же вскрыется.

Что я отцу скажу?

Вот малахольный! Ладно, объясним еще раз.

— Смотри сюда, Федя, и вникай в тему. Ты проторчишь пару дней здесь, в какой-нибудь гостинице, с вином и моделями. Потом возвращаешься домой, как ни в чём не бывало. Сказал, что «заболел» и списали. Кто проверять будет? Генерал? Он уже на манёврах. Когда вернется — скажешь что заболел и тебя списали на берег. А там, на Камчатке, сам черт не разберет, кто и что. Усек?

Кузен всё ещё трясся, но в глазах уже появилась робкая, отчаянная надежда.

— А..., а если он как-то узнает?

— Не узнает, — я хлопнул его по плечу. — Ну что ты, право слово! Даже если меня разоблачат — ты здесь не при чем. Скажешь, мол, «морская болезнь скрутила» ещё до Кронштадта. Найди доктора, который подтвердит. А я уже буду на борту, где-нибудь у экватора. Короче все, решили: не хандри, пиши расписку о добровольной переуступке — и дело в шляпе.

В глазах кузена страх еще мгновение боролся с надеждой. Я смотрел на него и чувствовал, как внутри снова приятно щёлкнуло — легко, дерзко, почти весело. Прежний «я» сто раз бы всё просчитал. А здесь... здесь — просто взял и сделал.

Кузен Федя между тем раздухарился не на шутку. Он метнулся к рундуку, споткнулся о гипсовую ногу, чудом удержался.

жал равновесие и выгреб со стола пухлую кожаную папку.

— Вот! Предписание от Адмиралтейства! Пакеты за сургучной печатью для капитана Крузенштерна! Подорожная до Кронштадта! Сундук тоже бери, он мне даром не нужен, смотреть на него тошно!

Он попытался сунуть мне документы прямо в руки, норовя расцеловать в щеки. Пришлось прервать это проявление братских чувств.

— Погоди, погоди. Сундук мне твой без надобности, свой найдется. Сперва — бумажки.

Привычка. Любая сделка должна быть зафиксирована. Устное слово стоит ровно столько, сколько сотрясаемый им воздух. Это правило спасало мою шкуру минимум дважды, когда партнеры внезапно теряли память при дележе прибыли.

— Садись, — я пододвинул к нему чистый лист бумаги и сунул в дрожащие пальцы перо. — Пиши. Расписку. О переуступке права.

Под мою диктовку Феденька быстро нацарапал: «Я, граф Фёдор Петрович Толстой, находясь в здравом уме, добровольно, ввиду слабости здоровья и нездоровой тяги к изящным искусствам, уступаю свое место в свите камергера Резанова моему двоюродному брату, графу Фёдору Ивановичу Толстому».

Кузен подмахнул бумагу, не перечитывая, словно ипотечный договор на пьяной вечеринке. Посыпал лист песком,

чтобы впитать излишки чернил.

Аккуратно сдув песчинки, я сложил драгоценную бумагу вчетверо и спрятал во внутренний карман мундира. Туда же отправилась кожаная папка с адмиралтейскими предписаниями. Юридический статус изменен. Из подследственного смертника я официально превратился в члена первой русской кругосветной экспедиции.

— Ну, бывай, художник, — я хлопнул ошaleвшего кузена по плечу. — Твори нетленку. А я пошел собирать манатки. Океан зовет.

Сбежал вниз по лестнице, чувствуя себя победителем по жизни. Расписка лежала во внутреннем кармане — тёплая, как только что выигранные бабки. Сделка века закрыта. Я в игре.

Отец ждал в карете. Сидел, сгорбившись, и смотрел в окно так, будто уже видел меня в кандалах. Когда я плюхнулся рядом и захлопнул дверцу, он резко повернулся. Глаза его были красные от напряжения.

— Ну что?! — голос сорвался. — Опять всё провалил? Скажи сразу, чтобы я знал, в какую яму тебя теперь закапывать!

Молча достав сложенный вчетверо лист, я сунул ему под нос.

Отец выхватил бумагу дрожащей рукой, развернул... и замер. Лицо его побелело, потом медленно налилось кровью.

Он перечитал расписку дважды, будто не верил своим глазам.

— Ты... — голос у него надломился. — Ты это серьёзно сделал? Подкупил лакея? Прошёл к нему тайком? И он... он согласился?!

Я кивнул, не отводя глаз.

Отец смотрел на меня так, будто видел чужого человека. Долго. Очень долго. Потом тяжело, с присвистом выдохнул и провёл рукой по лицу.

— И что? — напряженным голосом спросил он. — Ты, правда, поплывешь на край света?

— Поплыву. Почему нет?

Губы отца задрожали.

— Господи... Граф Фёдор Иванович! Я всю жизнь считал тебя пустым, горячим балбесом. Думал, что из тебя никогда ничего путного не выйдет. Только скандалы, дуэли и позор на всю фамилию. А ты... ты сегодня взял и переиграл самого генерала Толстого. Через чёрный ход. Через собственного кузена. Без меня. Без моего разрешения. Один.

Голос его дрогнул. Он сжал расписку так, что бумага захрустела.

— И теперь в море пойдешь, в кругосветное плавание. Никогда не думал, что мой сын способен на такое. Настоящее мужское дело. Хитрое. Смелое. Опасное... и всё равно сделанное.

Он замолчал, глядя на меня уже совсем другими глазами.

В них было и удивление, и гордость, и какая-то горькая отцовская боль.

— Чёрт возьми, Фёдор... Ты меня сегодня... поразил. По-настоящему поразил.

Я пожал плечами, хотя внутри приятно кольнуло.

— Так что, батюшка? Едем домой собирать манатки? Или всё-таки в крепость?

Отец медленно сложил расписку, аккуратно спрятал её во внутренний карман и впервые за весь день посмотрел на меня с настоящим, тяжёлым уважением.

— Домой, — глухо сказал он. — И чтоб завтра с утра духу твоего в Петербурге не было.

Илюшка тронул вожжи, карета тронулась. Я откинулся на кожаную спинку и впервые за долгое время по-настоящему улыбнулся.

Какое-то время я вертел в руках пакет с адмиралтейскими печатями, не решаясь его вскрыть. Чиста профессиональная паранойя. Еще в девяностых усвоил правило: не радуйся сделке, пока не прочитал мелкий шрифт. Именно там обычно прячется то, от чего хочется добровольно выйти в окно.

Наконец где-то на середине Невского проспекта любопытство победило. Сломал сургуч, вытащил плотный лист с водяными знаками и начал продираться через отвратительный канцелярит, густо приправленный «сиятельствами», «соизволениями» и ятями. Твою мать, в сравнении с этим Предписанием договоры московских юристов начала девяностых

читались как увлекательный комикс.

«По Высочайшему соизволению Его Императорского Величества, вознамерился отправить на берега Японии и в Российско-Американские селения морскую экспедицию...»

Ага. Высочайшее соизволение. Государь император лично соизволил отправить кузена Феденьку к чёрту на рога. Вот так все серьезно.

«...назначить в оный вояж искусных людей для снятия видов новооткрытых земель и собирания редкостей естественной истории...»

Стоп. Перечитал. Ещё раз перечитал. «Снятие видов». «Редкости естественной истории». Это что же получается — от меня будут ждать картинок? Пейзажей? Зарисовок с натуры?

Твою мать. Ну конечно! Ведь по документам я теперь граф Федор Петрович — живописец. Ученик Академии художеств. Последний раз я рисовал в третьем классе, и учительница поставила мне «удовлетворительно» — исключительно потому, что мой заяц в этот раз был похож на картошку с ушами, (а не говно с ушами, как обычно). С тех пор мои отношения с изобразительным искусством были надежно заморожены.

«...вменяется Вам в неперенную обязанность употребить Ваши таланты на срисовывание видов берегов, гаваней, одеяний и физиогномий диких народов...»

Физиогномии. Диких народов. Срисовывать.

Я живо представил, как показываю начальству экспедиции плоды своего творчества. «Вот это — алеут. Нет, не картошка. Алеут. Да, я понимаю, немного похоже на говно с ушами. Это авторский стиль. Минимализм».

Ладно. Главное — попасть на борт. А когда выяснится, что рисую я примерно так же, как летаю — то есть никак, но с риском для окружающих, — экспедиция будет уже посреди Тихого океана. Оттуда пешком не возвращают. Да и вообще: думать о проблемах заранее — верный способ не дожить до момента, когда они наступят.

Главное было в конце документа: мне надлежит немедленно явиться к камергеру Резанову и поступить в его полное распоряжение. Живописец Федя назначен в состав посольства, а Резанов — посол.

Резанов... Знакомая фамилия. Где-то я её слышал. А, точно — «Юнона и Авось». Мать когда-то рыдала над этой постановкой так, что соседи пересаживались. Я тогда, десятилетний щегол, вообще не понимал, из-за чего сыр-бор.

Прочитав, я передал бумаги Ивану Андреевичу.

— Батюшка, а кто он вообще такой, этот посол Резанов?

Батюшка посмотрел на меня так, как профессор МГУ — на первокурсника с зачеткой, спрашивающего «а что такое Курвуазье ХО?»

Отец кивнул и понизил голос, будто стены могли подслушивать: — Резанов — человек серьёзный. Камергер, зять самого Шелихова, хозяин Российско-Американской компа-

нии. Государь лично в доле. С ним шутки плохи.

Я хмыкнул: мажор, удачно женился, получил контрольный пакет. Денег — хоть жо.... Много, в общем. Но, видно, хочет еще больше.

— При дворе Резанова знают и ценят, — батюшка понизил голос, как будто стены проплывающих мимо домов могли нас подслушать. — Государь *лично* благоволит! Более того — Его Императорское Величество — сам в числе пайщиков компании.

Нормально так. Царь — в доле. Император Всероссийский — акционер пушной лавочки. Впрочем, чему удивляться? Бабки всем нужны.

— Понял, батюшка. У меня предложение. Пусть всё остаётся в тайне. Заявлюсь к Резанову как граф Фёдор Толстой — живописец. Бумаги в порядке, печати на месте. Отчества в документах нет. То, что я не художник, а вовсе даже гвардейский поручик, выяснится уже в океане. А оттуда возвращать меня будет несколько затруднительно. Не на дельфине же.

Отец задумался.

— Рискованно, но делать нечего — наконец произнёс он. — Так что, Федька, помолись крепко Богу и иди к нему завтра.

— А чего не сегодня? — встрепенулся я. — Пока прет такая маза Ну, то есть, пока удача нам, ээээ, благоприятствует.

Отец одобрительно хмыкнул.

— Эко тебя пробрало. Не узнаю тебя сегодня: всегда был балбес балбесом, а тут — нате пожалуйста, и про экспедицию придумал, и к Резанову сам собрался идти! Ну, хочешь, — иди сейчас. Он должен быть в конторе Американской Компании на Мойке. Небось с ног сбивается перед отплытием. Через несколько дней корабли уйдут. Чем раньше ты исчезнешь из Петербурга — тем лучше для всех.

— Одна проблема, — заметил я. — Мне нужен штатский костюм. Преображенский мундир для визита не годится — я же по бумагам ученик Академии, а не гвардеец.

— Будет тебе костюм, — отец кивнул. — Фрак оденешь.

Фрак оказался орудием пытки, замаскированным под одежду. Нет, серьёзно. Я стоял перед зеркалом, чувствовал себя пингвином на собеседовании в зоопарк, а Архипыч порхал вокруг, поправляя фалды.

— Хороши, барин, — Архипыч отступил на шаг, любясь результатом с видом Микеланджело, закончившего потолок Сикстинской капеллы. — Чистый европеец. Хоть в Париж, хоть к самому Бонапартию.

Но результат меня порадовал. Фрак, надо признать, сидел безупречно. Тело молодого графа носило штатское с той же естественной грацией, как и мундир. В зеркале отражался элегантный молодой щёголь — тёмный фрак, светлый жилет, белоснежный галстук, завязанный каким-то немисли-

мым узлом. Архипыч потратил на этот узел всего два дубля — прогресс, учитывая утренние восемь. Видимо, мы оба учились на ошибках.

К сожалению, оба — на своих

Переодевшись, я все в том же родительском шарабане поехал на Мойку. Контора Российско-Американской компании располагалась на Мойке, в солидном каменном особняке с колоннами.

Войдя, я немного оторопел. Ожидал увидеть чинное присутственное место с благородной тишиной и скрипом перьев, а получил Казанский вокзал в час пик. Разве что пахло здесь не беяшами, а плавленным сургучом и какими-то шкурами.

Несмотря на глубоко послеобеденное время, приёмная оказалась забита под завязку. От бородатых купцов в долгополых сюртуках несло чем-то густым, звериным — явно пушные воротилы с Аляски. Флотские офицеры с профессиональным презрением к штатским смотрели на всех так, будто прикидывали их скорость в узлах при попутном ветре. Немцы ожесточённо размахивали скрученными чертежами, поставщики трясли образцами парусины. В углу застыла группа персов в шёлковых халатах, похожая на делегацию инопланетян, а рядом синхронно кланялись два китайца, стоявшие в этой позе, судя по лицам, часа три.

Гомон стоял невероятный. Кто-то надрывался по-немецки так, словно обсуждал конец света, (отличный выбор язы-

ка для этой темы), кто-то вопил: «Найдите приходный ордер, чёрт вас дери!», а секретари метались, как запаренные официанты на банкете.

Не без труда я пробился к главному церберу — напудренному толстяку за конторкой.

— Граф Толстой его превосходительству камергеру Резанову. По делу экспедиции.

Толстяк окинул меня — молодого щёголя во фраке — тоскливым взглядом: «Ещё один». Но стоило мне молча положить на конторку предписание, рожа его стремительно прояснилась. Государственная печать чудесно превращает «пошёл вон» в «прошу, сударь». Очень сильное колдунство, очень.

— Сейчас доложу! — сообщил секретарь и исчез за дверью. Вернувшись, сообщил:

— Пожалуйте, сударь. Третья дверь по коридору.

Купцы проводили меня завистливыми взглядами, персы не шелохнулись, а китайцы на автомате отвесили очередной поклон.

В кабинете Резанова царил такой же бардак, как и во всей конторе. Огромный стол утопал в картах Тихого океана, изрисованных синими пятнами и красными пунктирами маршрутов. По краям высились стопки смет и японские словари с иероглифами, похожими на автографы пьяного паука. В углу громоздились коробки с каким-то барахлом.

Посреди этого бедлама сидел измотанный господин лет

сорока, с вытянутым лицом и скошенным подбородком — типичный результат генетических экспериментов аристократии. Короче, нихрена не Караченцев — обычный придворный со следами вырождения на челе.

Но глаза его, живые и бойкие, говорили, что передо мной — человек, что тащит на горбу многомиллионный проект и скорее сдохнет, чем отступит. Я видел такие глаза у себя в зеркале в девяносто восьмом, когда голыми руками выгребал из-под обломков дефолта. Таких людей нельзя недооценивать: они либо сворачивают горы, либо ломают шеи.

— Толстой? — камергер мазнул по бумагам взглядом, левой рукой ставя подпись, а правой перекладывая карты. — Живописец? Из Академии?

— Так точно, ваше превосходительство.

Живописец. Ага. С факультета рисования картошки с ушами.

Резанов прищурился. — Пётр Александрович хвалил вашу работу. Кто был наставником? Угрюмов? Акимов?

Ну, начинается.... Этот тип, похоже, любит поболтать ни о чем. То есть, об искусстве.

Ладно, если нихрена не знаешь — говори уверенно и обтекаемо. Я это со школьной скамьи уяснил.

— Я больше по естественной манере. Природа — лучший учитель. — произнес я, пожимая плечами.

— Романтик, стало быть, — мой будущий начальник чуть усмехнулся. — Что ж, натуры вам будут в избытке. Скажите

хоть, кого из мастеров цените? Рубенс? Ван Дейк? Или вы предпочитаете итальянскую школу?

Рубенс. Это я знал. Толстые голые тётки. Много. В Эрмитаже видел. Потом — на яхте у одного знакомого олигарха. Ту же самую картину.

— Рубенс велик, спору нет — с чувством сказал я. — Но для работы в экспедиции важно работать в ээээ... реалистичной живописной манере. Виды берегов и гавани требуют твёрдой руки, а не вдохновения.

Мое словоблудие, как ни странно, сработало. Резанов удовлетворено кивнул.

— Вы вообще представляете, граф, куда плывёте?

— В общих чертах, сударь. Япония, Русская Америка...

Что тут началось! Усталый чиновник исчез, уступив место одержимому проповеднику. Он подлетел к карте и начал тыкать в неё пальцем с энтузиазмом полководца, готовящего Канны.

— Именно! Япония — только начало! Открытие торговли! Сёгун нас ждёт!

Хрен тебе, — подумал я. Япония заперлась на все замки, как я в своей квартире в Пномпене. Не выйдет ничего из твоего посольства.

Но перебивать не стал. Спорить с начальством — что ссать против ветра. Контрпродуктивно-с. Плавали, знаем.

— Но главное — вот! — он ткнул в густую синеву между Камчаткой и Америкой. — Русская Америка! Бобры, граф!

Каланы! Знаете, сколько стоит шкурка в Кантоне? Сто рублей серебром! А их там — миллионы!

Вот тут у меня сразу зачесались ладони. «Монополия» и «миллионы» в одном предложении — это прям музыка сфер. Слушал бы и слушал!

— Мы построим империю на Тихом океане! — фантазии Резанова набирали мощь. — Русские фактории в Кантоне! Выдавим англичан и голландцев! Вы плывёте делать историю. Готовы?

— Всегда готов, ваше превосходительство.

Не почуяв подвоха в пионерском ответе — до пионеров оставался еще век с лишним — камергер удовлетворённо кивнул, вернулся за стол и — щёлк! — снова превратился в усталого чиновника с красными глазами.

— Сейчас зайдите к Харитону Митрофанычу, секретарю, встаньте на довольствие при посольстве. Завтра поутру езжайте в Кронштадт. Явитесь на «Надежду» к Крузенштерну. Я прибуду перед самым отплытием, тут дел невпроворот. Засим — не смею вас задерживать!

Ну, вон, так вон. Коротко поклонившись, я тихо, не хлопая дверью, вышел.

В приемной я вновь подошел к запаренному толстяку.

— Николай Иванович приказал встать у вас на довольствие!

— Извольте! — Толстяк сцапал предписание и начал читать, нацепив на нос очки. Впился в бумагу, шевеля губами.

Потом поднял на меня маленькие, внимательные глазки.

— По росписи ваше жалование положено триста сорок рублей-с. Задаток можете получить сейчас. Возьмете?

Услышав благословенное слово «задаток», я усиленно закивал.

— А пачпорт разрешите-с? Порядок есть порядок, ваше сиятельство. Без документа — никак-с.

Вот тут я завис. Паспорт. Мать твою! Вот тебе и попал в экспедицию. В паспорте — имя, отчество, полное описание. Там чёрным по белому: «Фёдор Иванович», а не «Фёдор Петрович». Даже этот насмерть замученный бюрократ увидит нестыковку!

Глава 4

Мозг заработал на бешеных оборотах. В таких ситуациях правило одно: не мешкай. Секунда замешательства — и ты под подозрением. Две секунды — и ты враг.

— Разумеется, — я небрежно полез во внутренний карман. Достал паспорт. Вместе с ним, будто случайно, из кармана выскользнула золотая монета, которая как-то сама оказалась вложенной между сложенными листами паспорта.

Мозг заработал на бешеных оборотах. В таких ситуациях правило одно: не мешкай. Секунда замешательства — и ты под подозрением. Две секунды — и ты враг.

— Разумеется, — я небрежно полез во внутренний карман. Достал паспорт. Вместе с ним, будто случайно, из кармана выскользнула серебряная монета, как-то сама оказавшаяся между сложенными листами паспорта.

Положил всё это на конторку и сделал всё, что нужно в такой ситуации: посмотрел толстяку прямо в глаза. Спокойно, не мигая, с лёгкой, доброжелательной скукой человека, ничего нечего закрывать и некуда торопиться.

Харитон Митрофаныч опустил взгляд на паспорт, развернул его, тут же увидев монету. Пальцы его привычно, с ловкостью фокусника, подхватили серебряный блин и отправили в карман. Затем Харитон Митрофаныч начал внимательно вчитываться в строки, шевеля губами.

— Побыстрее, любезный, — бросил я капризным, чуть раздражённым тоном, давая понять что дал денег не для того чтобы ждать.

Поняв намек, толстяк засуетился.

— Всё в полном порядке, — секретарь захлопнул паспорт, явно не прочитав в нём ни одной строчки, и с неожиданной прытью поднялся. — Сию минуту доложу его превосходительство!

Исчез за дверью. Вернулся через минуту с приторной улыбкой и тощей пачкой каких-то стремного вида бумажек:

— Пожалуйте, сударь. Задаток, сто пятьдесят рублей-с. Жалованье и кормовые на плавание. Распишитесь в ведомости. Остальное вознаграждение — у казначея экспедиции, господина Фоссе.

Отлично. Потратил один рубль, получил полторы сотни. Чисто, быстро и без лишних вопросов. В девяностых это называлось «решить вопрос на входе».

«Вот так вот! Молодость и храбрость города берет! — думал я, выходя на улицу.

Мойка блестела на солнце. Воздух казался бы нектаром, если бы не несло конским навозом и гниющей рыбой.

«Ну что же», — размышлял я, глядя на ползущие по реке баржи. «Мой план сработал безупречно. Резанов проглотил „живописца“, не жуя. Никто не стал сильно разбираться, проверять дипломы, сличать отпечатки пальцев. Осталось собрать вещи, взять бабки и свалить в Кронштадт.

Прощай, столица. Здравствуй, деревянный гроб на три года».

Кстати, о бабках. Выйдя, я все еще сжимал в руке пачку ассигнаций. Надо сказать, вид их вызвал крайнее недоумение. Серьезно? Это — деньги?

В руках у меня лежали здоровенные — раза в два больше привычной банкноты — квадратики плотной желтоватой бумаги. Ни портретов, ни красивых картинок — просто грубый шрифт и подписи кассиров. Причем, судя по всему, расписывались местные кассиры вручную, на каждом листе отдельно.

И напечатано всё было исключительно с одной стороны!оборот девственно чист, хоть стихи пиши, хоть пулю расписывай. Твою мать. Да с такой защитой от подделок в мое время любой армянский кооператив наштамповал бы их тиражами «Правды».

Засовывая эти лопухи в карман, я вдруг почувствовал, что оцарапал обо что-то палец. Хотел было поглядеть, но тут...
— Федька!

Прямо над ухом вдруг раздался такой зычный клич, что я вздрогнул. Обернувшись, увидел... корнета Вяземского! Облеченный в белый кавалергардский мундир, он гарцевал куда-то на отменном вороном жеребце.

— Я тебя везде ишу! — продолжал тот. — Заезжал к вашему, там прислуга сказала, что ты поехал сюда, на Мойку. Ну что, брат, рассказывай, сошла тебе вчерашняя шалость с

Дризенoм?

— Какое там! На три года высылают, куда Макар телят не гонял!

Корнет изменился в лице.

— Неужели? И куда?

— Не поверишь. В самую Америку!

Недоумение на лице кавалергарда постепенно сменялось догадкой.

— С экспедицией поплывешь? Однако! Вот это ты попал в случай!

— Точно. Ты догадлив, как дельфийская Пифия!

— Так что же ты сразу не сказал! Этакое событие, — и молчишь! Когда отплываешь?

— Завтра.

— Мердэ! Федька, ты остолоп! А как же отвальная? Или ты думаешь, Лейб-гвардии Преображенский полк отпустит тебя просто так? Нет, мон шер, это решительно невозможно.

От возбуждения Вяземский так сдвинул бока своего коня, что он начал козлить.

— Значит так, граф Федор Иванович: вечером — проводы героя-мореплавателя. Снисходя к твоей бестолковости, я так уж и быть сам уведомяу всех твоих друзей и полковых товарищей. Место сообщу дополнительно. О`ревуар!

И, дав шенкелей, корнет ускакал. Внутри меня снова приятно щёлкнуло. Старый Ярослав бы десять раз подумал, а этот молодой отморозок внутри уже кричал «погна́ли!»

Когда звон подков затих вдали, я запрыгнул в отцовскую карету и крикнул кучеру Илюшке:

— Гони на Моховую!

Весь в радужных раздумьях, вернулся я в отчий дом. Семья ждала в гостиной. Атмосфера — чистые поминки, только кутью на стол еще не метнули. Матушка тихонько подывала в батистовый платок, сестрица Вера мимикрировала под обои. Только батюшка держался молодцом.

— Ну все! Завтра отбываю в Кронштадт! — сообщил я, едва я переступил порог. — В экспедицию. На три года.

Матушка выдала крещендо.

— Не плачь, графиня Анна Федоровна! Нечего ему дома сидеть, пора проветрить молодца. С ним поедет Архипыч, — заявил отец. — Дворянину без слуги не пристало. Да и присмотр за этим обормотом нужен.

Бедный Архипыч, стоявший у дверей с подносом, пошатнулся. Поднос жалобно звякнул.

— В... в окиян? — просипел старик, стремительно меняя цвет лица с привычно-серого на нежно-зеленый. — К язычникам? На погибель?! А ежели кит проглотит?! Иону-то Господь извлек, а нас — кто?

— Не проглотит, у них горло узкое, — машинально ответил я.

— Откуда ж вам знать-то, батюшка? Вы что ж, с китом

глаголить изволили? — парировал слуга.

Я ничего не ответил — курс морской биологии для крепостных в мои планы не входил.

— Иди собирайся, старый дурак! — рявкнул сенатор.

Начались сборы. В раскрытые пасти сундуков полетели рубашки, панталоны, сюртуки и прочий скарб. Архипыч увлеченно командовал парадом, до исступления уминая в сундуки то медвежью шубу, то непромокаемый плащ.

В разгар сборов ко мне подошел батюшка Иван Андреевич.

— Пойдем-ка, Федя, потолкуем в сторонке — многозначительно произнес он. Немного недоумевая, я пошел за ним.

Зайдя в кабинет, отец выдвинул ящик секретера:

— Держи, Федя, вот тебе на дорогу. Понимаю, немного, но более — никак не могу: имения наши, сам знаешь, все уже заложены.

С этими словами он выдал мне пачку ассигнаций.

— Тут тысяча триста. При условии разумной траты тебена три года хватит. Столоваться будешь при посольстве, а на прочие траты, даст Бог, будет достаточно. Ассигнатами не вези: в заграницах от них толку нет. Купи лобанчики или империалы. А то, хочешь, вексель Англицкого банка — в Копенгагене обналичишь.

Взяв пухлую пачку банкнот, я поклонился.

— Спасибо, батюшка!

— И вот еще что, — слегка смешавшись, произнес отец,

доставая из кармана небольшой серебристый предмет. — Вот часы тебе на память. Пусть не золотые, серебро. Но зато — Брегет. Ход точный.

Вложив в мою руку гладкий округлый корпус, Иван Андреевич растроганно посмотрел на меня и вышел. Задумчиво подбрасывая в ладони пачку ассигнаций, я вернулся в свой мезонин, где Архипыч как раз заканчивал сборы.

— Ну вот, кажись, и всё, — старик захлопнул последний сундук, выпрямился, утёр пот со лба и перекрестился. Куда ж без этого.

— Готово, барин. Всё, что надобно православному человеку для гибели в океане.

— Для путешествия, — поправил я.

— Я и говорю — для гибели, — невозмутимо повторил Архипыч.

— Ну, ступай тогда. Заказывай заупокойную. Нужен будешь — позову!

— Воля ваша, скажете — так закажу! — с легкой обидой заявил слуга. Тут его взгляд остановился на серебряных часах у меня в руке.

— Это что же, Федор Иванович, батюшка вам часы пожаловал? Извольте, я их почищу!

— Бери. Только быстро.

Пока Архипыч полировал серебро, я, присев на кровать, пересчитал деньги. И тут снова почувствовал, что чем-то укололся.

Резко, больно, как оса. На подушечке указательного пальца набухла алая капля.

Что за хрень?

Поднёс руку к свету заходящего солнца в окне. Присмотрелся. На одном из перстней, в хитром углублении оправы, пряталась игла. Крошечная, короткая, почти невидимая. Если не знаешь — ни за что не найдёшь. Ювелирная работа.

Первая мысль: яд. Кольцо Борджиа. Какая-нибудь средневековая дрянь для устранения конкурентов за обеденным столом. Пожал руку — уколол — через три дня похороны. Изящно, бесшумно, и алиби железное: «Понятия не имею, ваша честь, он сам как-то...». И тут же была отброшена как бредовая.

А вот вторая мысль оказалась правильной. Про такие штуки я слышал. «Шулерское кольцо». Приспособа для крапления карт.

Принцип — элементарный. Берёшь нужную карту и незаметно давишь шипом на лицевую сторону. На поверхности «рубашки» остаётся крохотный бугорок. Глазом не увидишь, разве что под определенным углом. Зато подушечкой пальца нащупаешь моментально. Потом, когда колода тасуется и раздаётся, ты вслепую находишь меченые карты.

Откинувшись на спинку стула, я от души расхохотался.

— Федя, ты жук! — выдавил я сквозь смех. — Вот тебе и граф, вот тебе и дворянин, вот тебе и честь фамилии...

Правда, есть одно «но». Сам я мошенничать в карты не

умел. Знал все эти приемы, но больше... теоретически.

Зажмурившись, попробовал вызвать воспоминания реципиента. Поначалу дело не шло. Я уж было отчаялся, но тут пришла в голову отменная мысль. Когда мы вчера буянили, меня явно крыло с выпивки: чем больше я опрокидывал в себя, тем меньше во мне оставалось беглого коммерсанта Ярослава Поплавского и тем больше — графа Федора Толстого. Значит, надо задуплить. Повторить эксперимент!

— Архипыч! — позвал я, возвращаясь в свою комнату. Старый слуга был здесь. Пыхтя, он пытался закрыть здоровенный кованый сундук.

— У нас есть что выпить?

— Ну, как же, конечно, есть-с. Вот в этом сундучке у нас дюжина мадеры, а тут, извольте видеть, ямайский ром...

— Понятно. Ну, что упаковано, пусть остается. Притащи-ка, пожалуй, шампанского из буфета. Есть шампанское?

Охая и крестясь, Архипыч отправился вниз по лестнице. Вернулся он с пузатой бутылкой с высоким горлышком и бокалом.

— Цымлянское-с — извиняющимся оном произнес он.

— Цымлянское так цымлянское. На безрыбье и хлорка — творог.

Бутылка выглядела так, будто ее выдувал слепой стеклодув в состоянии глубокого похмелья: кривоватая, пузатая, из толстеного темно-оливкового, почти черного стекла. Плюс — корковая пробка, намертво притянута к горлышку суро-

вой бечевкой крест-накрест и запечатанная сургучом.

Взяв со стола нож для бумаг, я сбил сургучную блямбу и подрезал бечевку.

БАБАХ!

Пробка тотчас же вылетела с таким пушечным грохотом, что Архипыч сдавленно пискнул и истово перекрестился, ожидая, видимо, что следом из горлышка полетит шрапнель. Под лепным потолком повисло облачко сизого дымка, а из бутылки лавой поперла густая, темно-рубиновая, сладко пахнущая пена.

Я ловко подставил бокал. Местное донское игристое оказалось тяжелым, плотным и било по шарам не хуже элитной «Вдовы Клико».

— Отлично, — я сделал изрядный глоток, чувствуя, как по жилам разливается тепло. — А теперь, Архипыч, принеси мне колоду карт.

Старик, бормоча что-то под нос, зажег шандал и положил передо мной запечатанную колоду.

Вскрыв одну из колод принялся тасовать карты. Возможно, Федькина мышечная память поможет мне вспомнить кое-какие приемы!

Поначалу ничего не происходило. Пробовал разные виды тасовок, несколько раз небрежно сдал карты на стол. Пальцы чувствовали плотный французский картон как родной, двигались уверенно, но в голове стояла мертвая тишина. Никаких озарений.

Тогда я решил поднять ставки. Ложная тасовка. Довольно сложный «вольт». Сделал переброс так, чтобы верхняя половина колоды якобы ушла вниз, а на деле ювелирно вернулась на свое место. Руки молодого графа выполнили движение мягко, текуче, без малейшего затыка. И тут... в висках ошутимо кольнуло. Перед глазами на секунду вспыхнуло зеленое сукно, оплавленные огарки свечей и чья-то багровая, потная физиономия напротив. Воспоминания заворочались, просыпаясь.

Тогда, опрокинув еще бокальчик Цымлянского, я пошел ва-банк. «Сдача с низов». Высший, недостижимый пилотаж карточного шулера. В моем двадцать первом веке этот чертов прием мне так и не дался — не хватало гибкости суставов, карта предательски цеплялась, выдавая кидалово с потрохами.

Глубоко вздохнул. Придвинул вверх большой палец к карте, пытаюсь выдернуть нижнюю карту вместо верхней.

Карта предательски чиркнула о край колоды и застряла. Дёрнул сильнее — она вылетела боком, крутанулась в воздухе и шлепнулась на стол рубашкой вверх. Весь фокус — коту под хвост. За настоящим карточным столом в меня бы уже примеривались канделябром.

Чёрт. Мозг — вот препятствия. Слишком много я думаю: контролирую каждый сустав, каждый миллиметр движения. Пальцам Феде нужна свобода. Они должны работать самостоятельно, без присмотра.

Опрокинул ещё бокал цимлянского. Выдохнул. Закрыв глаза. Перестал думать. Просто дал рукам сделать то, что они умеют.

Сдвинул верхнюю карту с большим пальцем — а средним, молниеносно, неуловимым скольжением, выдернул нижнюю. Тишина. Ни шороха, ни звука. Карта легла на стол естественно и легко, как будто так и было задумано. Федя — гений. Но только тогда, когда Ярослав не лезет ему под руку.

И в ту же секунду меня накрыло.

Плотина в мозгу рухнула, смывая барьеры. Память Толстого обрушилась на меня ревущей лавиной. Я вспомнил всё!

Как сидел за ломберными столами в лучших особняках Петербурга, метал банк в фараон, кропя колоду перстнем. И хладнокровно, с легкой полуулыбкой, раздевал до исподнего заезжих провинциальных помещиков и горячих гвардейских юнцов.

Нет, поручик Толстой не был азартным дурачком, спускающим состояние. Федя был гением. Шулером от бога. Моцартом зеленого сукна.

Чужое воспоминание отхлынуло, и я откинулся на спинку стула, со счастливым вздохом допивая цимлянское. Шикарное наследство мне досталось!

С таким талантом в руках, с этим великолепным глазомером и девственно белыми рубашками карт Тихий океан переставал казаться унылой ссылкой. Он превращался в непа-

ханое поле для сбора богатого урожая!

Пока я кайфовал, заскрипела лестница и в дверь постучали.

— Кто там?

Вошел Архипыч. Под мышкой у него был зажат небольшой ящик, в руках — записка. укоризненно покачивая головой, протянул записку.

— Вашему сиятельству-с. От господина корнета Вяземского. Пистолеты вот, прислали, с которых вы стреляться изволили. И еще записка. Ооох, грехи наши тяжкие... Опять небось, нарежетесь в зюю!

Развернул. Почерк размашистый, буквы пляшут, строчки ползут вверх — явно писал навеселе верхом на лошади, что для гвардейца было нормальным агрегатным состоянием.

«Дражайший Федя! Завтра ты отбываешь к чертям на кулички, а мы, твои верные друзья и соратники, не можем отпустить тебя без приличных проводов. Нынче в ресторации Талона собралась вся наша компания. Уже ждём тебя. Без отказу! Твой Вяземский».

Отлично. Отвальная — святое дело. Последняя ночь в столице — не то время, которое стоит тратить на семейные ценности. К тому же время можно провезти с пользой. На гулянках часто устраивают азартные игры. В свете открывшегося мне откровения это очень интересное дело!

Торопливо собираясь, я, подумав, взял с собой отцов-

ские тысячу триста ассигнациями. Попробую-ка нынче, на отвальной, проверить свои новообретенные навыки в боевой обстановке.

В настоящей игре.

Глава 5

Через час я триумфально ввалился в сверкающий хрусталем и позолотой зал модного ресторана «Талон». Меня встретили ревом, от которого задрожали подвески на люстрах.

Гуляла, казалось, вся гвардия. Кабинет отменили сразу — народу было до хрена. Столы сдвинули в одну длинную баррикаду посреди зала. Зелёные преображенцы, расшитые гусары, белые колеты конногвардейцев — всё смешалось в одну пёструю, звенящую шпорами толпу.

Вяземский с Мятлевым первыми бросились обниматься, едва не оторвав мне фалды свежего фрака.

— Ну, герой! — орал Мятлев, размахивая недопитым бокалом. — Вот же шельма ты, Федька! Мы-то думали, не миновать тебе Шлиссельбурга!

Я по-хозяйски рухнул во главе стола. Немедленно заказал устриц и шампанского — столько, чтобы в этой «Вдове Клико» можно было играючи утопить небольшой французский фрегат. А сверху велел заполировать всё это спаржей, стерлядью, трюфелями и свежими ананасами, которые в этом времени стоили как чугунный мост. Гулять так гулять!

Начался лютый кутеж. Вино лилось водопадом, звон разбитого на счастье хрусталя смешивался с лошадиным гогогом, звоном шпор и матерными тостами.

Вся гвардия охреневала с новости о моем плавании, будто я на Луну лечу. Три года на деревянной лоханке к дикарям? Для этих мажоров это было круче, чем попасть в ад живьём.

Все норовили выпить на брудершафт и расспросить, как же так получилось, что поручик Преображенского полка вдруг загремел в тур до Японии. Не раскрывая подробностей (это могло навредить кузену-эстету), я сообщил, что вызвался добровольно. Вся честная компания просто взвыла от изумления.

— Сам вызвался? На край света?! К дикарям?! — завопил Мятлев, хватаясь за голову. — Федька, да тебя же там сожрут живьем!

— Подавятся, — успокоил я его и залпом осушил бокал.

Наша шумная орда вскоре парализовала работу всего ресторана и притянула внимание прочих посетителей. Подходили солидные господа в штатском, подтягивались незнакомые офицеры других полков. Слушали, переспрашивали, смотрели на меня, как на говорящего динозавра, цокали языками и удивленно качали головами.

Именно тогда, сквозь сизый сигарный дым и частокол поднятых бокалов, я зацепился взглядом за соседний столик.

Там сидел старый князь. Обвисшие щеки, нос весь в бордовых прожилках, маленькие колючие глазки, звезда какого-то ордена. Смотрел он на наше буйство с брезгливым высокомерием, в котором читалась бессильная зависть увядающего импотента к чужой, бурлящей через край молодости.

Но куда интереснее была его спутница. Ослепительная брюнетка с чудесными локонами и глубоким, опасно притягивающим взгляд декольте. Пока князь брезгливо кривил тонкие бескровные губы, она смотрела прямо на меня. С тем самым специфическим женским интересом, который безошибочно пеленгует альфу в любой толпе.

Когда устрицы были уничтожены, а вторая дюжина «Вдовы Клико» прикончена, душа гвардии закономерно потребовала игры. Гулять просто так, без финансового риска и адреналина, в этой среде считалось дурным тоном.

Половой с почтительным поклоном приволок на серебряном подносе несколько запечатанных колод. Сдвинули тарелки, расчистили зеленое сукно ломберного стола. Первую талию вызвался метать корнет Вяземский.

— Банк — тысяча рублей, господа! — звонко объявил он, вываливая на сукно пухлую пачку ассигнаций.

К нашему столу тут же потянулись зеваки и любители легкой наживы со всего зала. Азарт — штука заразная. Вскоре старый князь, бросив свою ослепительную спутницу скучать в одиночестве, бочком-бочком подобрался к нашей компании. Глазки у деда загорелись алчным, нездоровым блеском.

— Князь Мещерский, Дмитрий Сергеевич! — расплылся в лстивой улыбке Вяземский. — Извольте понтировать?

— Отчего ж не поиграть, — просипел князь, усаживаясь с повадкой старого крокодила, заприметившего на водопое стаю антилоп. — Молодёжь нынче играет слабо. Надобно по-

учить!

«Щас поучишь ты у меня» — тут же подумал я, искоса взглянув на старого дегенерата. «Княгиню свою учи щи варить. Из ананасов»

— Господа, следующую талию позвольте метать мне, — небрежно бросил я, похлопав по внутреннему карману фрака, где вместе с авансом Резанова приятно грела грудь пачка ассигнаций Толстого-старшего. — Тоже тысяча в банк.

Вяземский одобрительно кивнул, сломал сургуч на колоде и начал метать. Откинувшись на спинку стула, я заказал еще вина и принялся наблюдать, делая копеечные ставки исключительно для вида.

Правила этой забавы, поразительно прямолинейны. Фараон — это чистая орлянка на минималках. Суть примитивна до одури: понтер выбирает карту и ставит на нее деньги. Банкомет берет свою колоду и начинает метать карты по одной: направо, налево, направо, налево. Ляжет карта понтера налево — выиграл игрок. Ляжет направо — банк забирает ставку. Шансы — пятьдесят на пятьдесят.

Глядя, как Вяземский спускает сотню за сотней под радостное кряхтение князя, и напряженно думал, как здесь вообще мухлевать. Присмотрелся повнимательнее к механике процесса. И открыл интересную вещь. Игроки обычно ставили на вид карты — «на фигуру» (валеты, дамы, короли, тузы) или «на фоску» (вся мелочь).

Схема наклеывалась сама собой. Во время предваритель-

ной тасовки я просто накалываю шипом рубашки всех шестнадцати фосок. Так я, мечта банк, буду знать, какая карта у меня идет из колоды. Погладил верхнюю карту перед сдачей — и точно знаешь: пойдет фоска или фигура.

Тем временем талия Вяземского подошла к концу. Корнет со вздохом отодвинул пустой банк, а старый князь довольно сгреб к себе выигрыш.

— Ваша очередь, граф, — просипел князь, сгребая себе ворох ассигнаций. — Свежую колоду сюда!

Принесли новые колоды. Вскрыв обертку, я отпил вина и машинально начал тасовать плотный французский картон. Ну, давай, молодое графское тело. Посмотрим, вспомнят ли твои руки то, что забыла пропитая шампанским голова...

Компания за столом подобралась колоритная. Прямота-таки сборная солянка азартной столицы. Справа сопел Мятлев, уже изрядно окосевший, но готовый спускать состояние до последней рубахи. Напротив устроился тот самый старый князь Мещерский — глаза-буравчики, жадные, цепкие, старческие ручки так и дрожат. Слева присоседился некий лысеющий господин в вицмундире, судя по ухваткам и бегающему взгляду — из крупных таможенных чиновников. Эти обычно играют осторожно, но денег у них — куры не клюют.

Замыкал круг лихой ротмистр лейб-гусарского полка, чей расшитый золотом доломан буквально кричал о готовности идти ва-банк.

— Банк — тысяча четыреста рублей, господа, — небреж-

но бросил я, выкладывая в центр стола пачку ассигнаций. — Извольте понтировать.

Первые несколько талий (так здесь называли полный проход колоды) я откровенно сливал или играл в ноль. Мне не нужен был сиюминутный выигрыш. Я готовил поляну для грядущего реванша.

Проиграл двести. Потом еще сто. И еще. И еще. Черт побери, слишком быстро! Так я проиграюсь в ноль еще до того как прокроплю колоду!

Пока Мятлев радостно ухал, забирая мелкие ставки, а князь победно кряхтел, я, стиснув зубы, проигрывал, и при этом методично продолжал свое дело. Большой палец мягко скользил по рубашкам, и крошечный стальной шип на моем перстне оставлял микроскопические, невидимые глазу наколы на всех фосках*. Ногтем мизинца я чуть-чуть, на долю миллиметра, продавливал торцы у тузов и королей.

Каждое движение — на автомате. Федины шулерские навыки работали безупречно. Через пятнадцать минут слепая французская колода превратилась для моих пальцев в открытую книгу.

Ну что, я готов!

— Игруем по-крупному, господа, — нарочно безразличным тоном кидаю я. — Не желаю тратить последний день в Петербурге на ерунду!

Глаза присутствующих загорелись. Князь подсел поближе, таможенник вытер лысину.

И пошло мясо.

Ротмистр-гусар сходу кинул на сукно пятьсот рублей, выбрав даму пик. Я погладил верхнюю карту — палец скользнул по гладкому картону. Фигура. Но, кажется, не дама.

Начал метать. Направо — король. Налево, гусару — десятка. Направо — семь. Налево...

И тут пальцы считали: следующая сверху — фигура. Торец чистый — значит, не король и не туз. Или дама, или валет. Велика вероятность, что это дама! Пятьсот рублей на кону! Проиграю их — и все, нищим выхожу из-за стола.

Так, а что снизу? Чтобы спасти банк, нужно сдать *другую* карту. Выдернуть ее откуда-то еще, снизу или из середины колоды, пока верхняя карта ждет своего часа, чтобы лечь направо. Идеально — понять, какая карта лежит снизу, и сдать ее.

Провожу пальцем по нижней карте. И ничего не чувствую! Карты лежат рубашками кверху, а значит, бугорки тоже идут вверх. А крошечную вмятинку я на ощупь могу и не заметить. Что там? Фигура? Фоска? Да черт его разберет?

Все это происходит в долю секунды. Сердце ухнуло. На кону пятьсот рублей — мои последние деньги. Князь смотрит на меня с торжествующей ухмылкой. Один неверный ход — и я сдам ему выигрышную карту. Всё. Конец. Фарт кончился, даже не начавшись. .

Твою мать... Я не знал, что делать. И подвели не Федины пальцы, а мои мозги.

Так или иначе, надо сдать с низа. Верхняя карта — верный проигрыш. А внизу может быть и безобидная фоска. Только на мои руки сейчас все пялятся не отрываясь. Делать вольт при таком внимании — дело безнадежное. Спят! Надо их отвлечь!

Краем глаза замечаю проходящего мимо с подносом пологого. Вот оно!

Резко, со всей дури, бью ладонью по столу так, что бокалы подпрыгивают:

— Человек! Какого черта?! Я просил шампанского еще пять минут назад! Ты уснул на ходу, скотина?!

От неожиданного рывканья все вздрогнули. Взгляды игроков рефлекторно метнулись к перепуганному слуге. Этого крошечного мгновения мне хватило. В этот самый миг я быстро сдвинул верхнюю карту и молниеносно выдернул нижнюю.

Ни звука, ни шороха. Карта легла налево. Девять трэф. Отлично.

Следующая раздача. Беру верхнюю карту, и ... тадам! Дама! Не зря я насторожился! Не проверни я эту маленькую шалость, и стопроцентно бы погорел. А теперь дама благополучно легла направо, в банк.

Отыгрался. Ура, отыгрался!

Князь разве что не плюнул с досады. В его блеклых глазах мелькнула досада кухарки с ножом, от которой сбежал кролик.

Половой принес вино, и игра продолжалась. Но я понял свою уязвимость: хоть карты и крапленые, я все равно не знаю, какая карта находится снизу. А в случае крупной ставки полагаться на удачу нельзя!

И тут я вспомнил про отцовский Брегет. Вот оно!

Со скучающим видом достаю из кармана жилета массивные серебряные часы на цепочке. Щелкнув крышкой, сделал вид, что сверяю время, а затем с невинным видом положил их прямо на зеленое сукно перед собой, полированной серебряной крышкой вверх.

— Время — деньги, господа, — философски заметил я, поймав подозрительный взгляд таможенника. — Не хочу пропустить рассвет.

Тот хмыкнул, но промолчал. А я мысленно возликовал! Выпуклая, зеркально отполированная крышка брегета работала теперь как камера заднего вида. Стоило мне чуть приподнять колоду в левой руке, как в золотом овале отражалась нижняя карта. Деталей, конечно, было не разобрать, но отличить густо размазанную красную или черную «фигуру» от полупустой белой «фоски» — запросто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.